Юность пяти континентов представлена на Форуме. На наших снимках (слева направо): Янсане Секу (Гвинея), Геннадий Масленников (СССР), Милли Корлиэн (Австралия), Чу Шанг Кинг (Китай), Беатриса Альберта Родригес (Венесуэла).

Фото М. Трахмана

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 33-й
№ 89 (4368)
Четверг,
27
июля
1961 г.

Цена 4 коп.

ЛИЦО ЗЕМЛИ

В КОЛОННОМ зале Дома союзов плыли в непрерывном движении и улыбках сотни лиц — гордых и радостных, задумчивых и беспечных, напряженных и спокойных. Белесые северяне и прокаленные солнцем дети Африки, смуглые, темные, бронзовые и оливковые...

Через десять минут в зале станет тихо и председатель Комитета молодежных организаций СССР Петр Рашетов объявит Форум открытым. Но пока еще зал шумит, по-молодому задорно, весело. Мы видим знакомых, тех, с кем нам удалось встретиться и поговорить накануне. Вот кубинец Хорхе Вальдес, такой похожий на ставших привычными по фильму Кармена героев «Пылающего острова». Улыбчивый руководитель делегации Ганы М. Тетте. Представитель Греции на Форуме Афанасий Какоянис. Это медальной чеканки лицо легко различить даже в таком большом зале. Его товарищам по делегации не удалось приехать в Москву — правительство Греции отказало им в визах. Скромная девушка из Австралии Милли Корлиэн, серьезная и задумчивая японка Сумико Танака, молодой критик и очеркист...

А зал уже взорвался аплодисментами. Это пригласили избранных в президиум занять места; председательствует на первом заседании Форума делегат Японии Харуо Камия.

Из зала, пробираясь по рядам, выходят вперед члены президиума. И невольно спрашиваешь себя: сколько среди них будущих государственных деятелей? Может быть, вот этот худощавый юноша будет в свое время премьером национального правительства. И, может быть, он на всю жизнь запомнит, что его первым шагом на политическом поприще был шаг к президиуму московского Форума.

Снова гремят овации. Это руководитель советской делегации Сергей Павлов оглашает текст приветствия Никиты Сергеевича Хрущева участникам Форума. Весь зал встает, несколько минут юноши и девушки скандируют: «Мир! Дружба!».

Слова Никиты Сергеевича дают новое направление нашим мыслям — ведь в них содержится целая программа, намечены четкие и ясные пути борьбы юных за уверенность в завтрашнем дне.

«Молодежь — это могучая, динамичная, боевая сила, активно участвующая в борьбе человечества за свое лучшее будущее. Защищая дело мира, она отстаивает свои права и интересы против всяких посягательств на них со стороны реакционных сил».

Мало найдется на земле юношей и тем более девушек, будущих матерей, которые не мечтали бы о мире. Но мечтать о мире и бороться за мир — далеко не одно и то же. Мир — это не спелый плод, который по истечении времени сам упадет в руки пассивного мечтателя. За него нужно бороться, ибо есть силы, восстающие против мира. Капитал, церковь, военщина, фашиствующие организации используют все средства для улавливания юных душ, пытаются вовлечь их в свои ряды, развращают идеологически и морально. Их оружие — реакционная печать и искусство, растлевающие душу; философия нигилизма, которая иной раз импонирует молодым ниспровергателям отжившего, бунтарям и беспокойным духом. Вот против этого и должна бороться молодежь в первую очередь на фронте идеологии, в активных действиях всех молодежных организаций, отстаивающих свои права и интересы.

Словно развивая мысли, зароненные словами Никиты Сергеевича Хрущева в сердца молодежи, представитель постоянного секретариата Форума Джекоб Стивенс говорит, что Форум должен стать «хорошей школой мирного сосуществования». Он отмечает, что есть еще международные объединения молодежи, которые не могут найти общего языка. И снова вспоминаются слова Н. С. Хрущева: «Я убежден, что встречи и дискуссии помогут молодежи лучше узнать друг друга, укрепят ее единство в борьбе за мир, прогресс и лучшее будущее».

...Смотрим в зал. Да, сейчас все собравшиеся здесь дышат одной грудью, живут одной думой. Но ведь тут сидят и католики, и мусульмане, и атеисты, и буддисты, здесь — демократы, либералы, студенты, подчеркивающие свою аполитичность, здесь не меньшая пестрота партий, чем пестрота национальных нарядов. Значит, есть бесспорная общая основа для объединения усилий всех в одну могучую волю!

Стоит вдуматься в происходящее. Сметены расовые и национальные барьеры. Отброшены предрассудки. Отложены религиозные разногласия и политические расхождения. Подданный короля Бодуэна и гражданин Советского Союза, атеист и правоверный католик говорят о будущем — ясном, как небо, навсегда очищенное от ядовитого пепла атомных взрывов.

...Зал притих. Люди слушают. У каждого — наушники, в которых на русском, английском, китайском, испанском, французском и немецком языках звучат слова доклада представителя советской молодежи С. Павлова. Вспоминается пророческий фильм польских кинематографистов по роману Станислава Лема «Астронавты». Фильм о горстке ученых СССР, США, Японии, Германии, Польши, Китая, Индии, которые покорили безмолвную звезду. Разноцветные руки тек же лежали на кнопках пульта управления в космическом рейсе будущего, как сейчас пальцы делегатов держат регуляторы приемников синхронного перевода.

Кто из сидящих в зале не завидует бессмертному подвигу Юрия Гагарина, кто не мечтает о космосе? Но на пути к неведомым мирам—Луне, Венере или Марсу, все еще стоит другой Марс — зажившийся на свете бог войны, вскормленный жирными ассигнованиями на вооружение, увешанный бомбами, дышащий стронцием пепла Хиросимы. Недавние идолы африканских племен нашли пристанище в музеях, а этот кумир так называемых «цивилизованных» людей Запада все еще созерцает перед собой спины коленопреклоненных жрецов «холодной войны».

Еще в старину говорили — не прикасайтесь к идолам, их позолота остается на пальцах. Но юность мира своими руками пощупала идолище войны. Позолота словесных одеяний облезла, обнажив отвратительное существо спекулянта на человеческой жизни. Стерев позолоту, юность поняла — идол и его жрецы бессильны перед миллионами честных рук. Порукой тому — сегодняшний Форум.

А говорит уже президент Союза студентов-гольярдистов Италии Андреа Маргери. Тема его доклада та же, что и у советского делегата. И он подчеркивает, что одного лишь желания жить в мире недостаточно, что необходима борьба. Напрасно называют наше поколение выродившимся! — восклицает оратор.

И верно, на Западе сейчас говорят о поколении потерянных, о поколении разгневанных, говорят о битниках и тедди-боях. Но ведь рядом с ними, на одной земле все силы отдавали революции поколения Корчагиных — русских, китайских, венгерских... Рядом с «разгневанными» восстанавливало города, строило электростанции, заводы, поднимало из руин Сталинград поколение Маресьева. В одно время с битниками живут те, кто поднимал целину, завоевал свободу Кубе и готовился к полетам в космос, — поколение Кастро, Лумумбы, Гагарина.

Это их сверстники сидят сейчас в Колонном зале на местах делегатов, за столом президиума. Их — активных, деятельных—западные философы предпочитают не замечать, пытаясь уверить мир, что молодость иссякла, увяла, изъедена нигилизмом.

Напрасно! Сотни молодежных организаций мира говорят этой гнилой «теории» с трибуны Форума: нет!

Представительный съезд молодости мира работает. Доклад следует за докладом, сообщение за сообщением, встреча за встречей. Вчера делегаты выслушали три доклада на одну тему: «Молодежь, борьба против колониализма и империализма, за национальную независимость и проблемы мира», сделанные от имени Всеобщего союза студентов-мусульман Алжира, Ассоциации молодых повстанцев Кубы и Социалистической молодой гвардии Бельгии. Были и другие выступления.

А вечером в помещении Центрального Дома литераторов начал свою работу клуб Форума.

Б. КРАЕВСКИЙ,
Ю. ЛИМАНОВ

АЯМ, СИБИРСКИЙ ТРАКТ

И. ЗОЛОТУССКИЙ

ИЗ ОКНА «шоферской», где я только что проснулся, виден дорожный столб с желтой, обведенной черной каймой табличкой. На одном крыле ее выбита цифра 0, на другой—728.

Я опускаю занавеску и закрываю глаза. Когда закроешь глаза, кажется, что ты в Москве и за окном шумит улица Горького. Иллюзия полная: тот же поток машин.

Но это не Москва, а Невер, и отсюда с того места, где стоит «шоферская», начинается Якутский тракт. По этому тракту я поеду. Его пересекает 55-я параллель.

Мой сосед по комнате поднимает голову, и мы киваем друг другу: здравствуйте. Знакомимся. Выясняются две интересные подробности. Во-первых, мы занимаем место в «шоферской» незаконно. «Шоферская» принадлежит Аямтрансу (позднее я расшифрую это название) и построена для водителей рейсовых машин, приезжающих за грузом в Невер.

Во-вторых, сосед мой — житель той самой точки, что обозначена на дорожном столбе цифрой 728. Он из города Томмота, крайнего пункта Амуро-Якутской магистрали. Так официально именуется тракт. Он доходит до Невера, до Томмота, и дальше действует только зимой. Дальше—это до Якутска. Сейчас туда тянут дорогу и через год ее обещают пустить. Тогда связь с Якутском будет круглогодовой. А пока здесь властвует слово «сезон».

— Как же вы попали в «шоферскую»? — спрашиваю я соседа по койке.

— Наверное, как и вы. Где же ночевать? Гостиницу здесь построят еще не скоро...

Что верно, то верно. Я сам видел, как спят на вокзале приезжие: в «шоферскую» попадают только счастливчики. Но они «счастливы» за чей-то счет. Если ты спишь на койке, то шофер, приехавший ночью и не успевший занять ее, ночует в кабине. Утром он пойдет под погрузку, весь день простоит в Невере, а к вечеру выедет в рейс. Вторую ночь он встретит в дороге. Хватит у него сил, он дойдет до Тынды (170 км от Невера) и переспит там, нет — остановит машину прямо на тракте и положит голову на руль.

Мне много встречалось потом этих застигнутых сном машин. Странное впечатление производят они в белую якутскую ночь. Их видно издалека. Едешь и видишь: стоит с краю дороги тяжелогруженный «МАЗ» с прицепом. Кажется, шофер выскочил на минуту, чтоб долить в радиатор воды или проверить масло. Но подъезжаешь —возле ни души. Мотор молчит, стекла в кабине подняты, и оттуда выглядывает кончик сапога. Кто спит на сиденье, кто — опершись на руль.

Кое-где после трудного подъема машины стоят одна за одной. И тогда они похожи на остановившийся вдруг поезд. Представьте, как он стоит среди бела дня на рельсах, пустой, без пара и огня, и все спят в нем—и машинисты, и проводники, и пассажиры...

Шоферы здесь — настоящие машинисты. Они водят составы с таким весом, какой и не снится их коллегам на автострадах средней России.

О них, машинистах Амуро-Якутской магистрали, о людях, каждый час пересекающих 55-ю параллель, я буду писать.

В НЕВЕРСКОЙ базе Аямтранса меня познакомили с Павлом Ефремовичем Линкевичем. Высокий, голубоглазый, он протянул мне откуда-то сверху огромную ручищу и сказал:

— Ждите меня в «шоферской». Я за вами заеду.

Через час он подъехал на своем «КРАЗе». На такой машине я еще не ездил. Крылья «КРАЗа» на уровне моих бровей. На подножку сразу не встанешь — нужно ставить ногу на припаянную снизу скобу. Из кабины обзор— как с крыши одноэтажного дома.

«КРАЗ» осторожно трогается. Медленно уплывает назад табличка с цифрой 0. Начался тракт.

Пока мы проезжаем Невер, я расскажу вам, что такое Аямтранс.

Аямтранс — это нечто вроде автотреста. Он обслуживает тракт и подчиняется Якутскому совнархозу. У него есть базы в Невере, Тынде, Чульмане и Алдане. Кроме этого — автопункты и заправочные, шоферские и столовые по всему тракту.

Здесь его называют просто — Аям. Аям могуществен. Он не перевозит только почту и пассажиров. Все основное — а в это «все» входит каждый винтик, в котором нуждается Южная Якутия, — доставляют на своих плечах его тяжеловозы. Эти «МАЗы», «ЯЗы» и «КРАЗы» оборудованы специальными прицепами и полуприцепами, несущими на себе цистерны, кузова и крытые вагоны.

История Аяма значительна и заслуживает целой книги. Начинается она где-то в двадцатых годах. Тогда грузы перевозили здесь на верблюдах.

А еще раньше была на месте Аяма пешеходная тропа, и шли по ней люди на Алдан «за золотишком». Шли по месяцу, и доходили только самые крепкие. А на обратном пути убивали друг друга — смущало людей золото.

Но это история, и сейчас ничто не похоже на нее.

Впереди — семьсот километров пути, две тысячи подъемов и спусков, столько же поворотов. Но Линкевич спокоен: он выехал в обычный рейс.

Если сосчитать, сколько он наездил по тракту за одиннадцать лет, то получится дорога до Луны и обратно. Я сейчас вижу ее всю — от начала и до конца. Извилистой струей пробивает она первые за Невером горы и торопится дальше. Здесь лето — мягкий смешанный лес шелестит по обе стороны полотна, красные саранки раскрыли свои бутоны. Их много. Веселыми транспарантами вытянулись они по бокам шоссе и бегут вместе с нами, сигналя: «Добро пожаловать!».

Вдруг обрывается красный бег. Пейзаж суровеет. Исчезают березки, лес. Редкие общипанные лиственницы поднимаются по склону сопки, низкий стланик топорщит свои иглы.

55-ю параллель проезжаем под вечер. Здесь ничего нет. Деревянный мостик, под ним скачет по камням речка. Вода в ней цвета крепко заваренного чая. Мы ужинаем на берегу и запиваем «чаем» из речки. От него ломит зубы.

Ночуем в Тынде. Тында — центр Джелтулакского района Амурской области. Это последний, самый северный ее район. Дальше — Якутия.

В Тынде живут шоферы и дорожники, охотники и геологи. Есть эвенкийская школа-интернат. Сейчас она закрыта — ученики ушли в тайгу.

ЛИНКЕВИЧ хочет заправить машину и продолжить путь. Но возле заправочной стоит колонна неверских машин. Они вышли раньше нас и ночуют в Тынде. Мы встречаем их хозяев возле чайной. Они возвращаются из кино.

— Культурная пошла жизнь! — иронически приветствует Линкевича маленький, полный, в сдвинутой на лоб кепке-блине шофер.

Это Никандр Витальевич Очкасов.

— Да, — в тон ему вздыхает Линкевич, и все идут ужинать.

Чем же недоволен Никандр Витальевич?

Это целая проблема, и ее надо изложить по порядку. До недавнего времени, да и сейчас еще на Амуро-Якутской магистрали план выполнялся за счет переработки рабочих часов. Не жалели ни технику, ни людей. Шоферы ночевали в пути или вовсе не спали, крутя баранку по суткам и более. Переработка получалась колоссальная, число рейсов росло, рос и заработок. Это устраивало и руководство, и самих шоферов.

Люди привыкли к этому. Привыкли не спать, не есть, по двадцать пять дней в месяц не бывать дома. Шофер превращался в вечного командировочного.

А аварии? Усталый шофер ведет машину неуверенно, иногда он не успевает даже остановить ее и засыпает на ходу. Тогда груз и сам он летят в кювет.

Всему этому сейчас приходит конец. Ломается прежний стихийный режим. Строго запрещены переработки, каждому водителю дается на месяц твердое число рабочих часов. Теперь, дойдя до Тынды, он не спешит дальше. Он ставит машину на отдых и идет в кино.

Конечно, было бы идеально, если бы одной строгостью можно было изменить быт и сознание человека. Новому препятствуют тысячи всяких «но». Многосемейных беспокоит: «Не прогонят ли нас жены, если мы будем сидеть дома?». Хозяйственников волнует: не провалится ли Аям с планом, если шоферы станут работать по семь часов в сутки?

Об этом и многом другом думают и начальники, и шоферы. И в думах этих сталкивается старое и новое, объективное и субъективное.

Трудно ломать привычку. Трудно переступать из беспорядка в порядок, из жизни, хотя и тяжелой, но «вольной» в жизнь организованную, точную, умную.

Шоферы Аяма — замечательные люди. Человека мерят по труду, а я видел, как они работают.

Но работают они пока еще некультурно, и это и их вина, и их беда. А потом им «жаль» «свою» машину. Они убеждены, что напарники, которых им сейчас подбирает Аям, непременно ее разобьют.

Это недоверие — консерватизм привычки.

В городских автохозяйствах, где введен посменный график, шоферы иначе смотрят на вещи. Там нет «собственничества». Здесь, на дальних трассах, оно еще живет.

Правда, в городе и не те условия. Случилось что — гараж всегда под рукой. Под рукой и механики, и мастерские. Шоферу на тракте пока приходится рассчитывать на себя. По дороге до Алдана его обслуживают две автобазы и два автопункта. Гаражей там для рейсовых машин нет (свои и те стоят на улице), ремонтников не хватает. В Нагорном, например, всего один ремонтник. Разве он осмотрит за час колонну «МАЗов», разве всюду поспеет? Та же история в Невере. Автомобили томятся, ожидая очереди. Шоферам неинтересно простаивать, и они лезут под машину сами.

(Окончание на 2-й стр.)

Феликс КУЗНЕЦОВ

ЧЕТВЕРТОЕ ПОКОЛЕНИЕ

ЗАМЕТКИ О ПРОЗЕ МОЛОДЫХ

ОКИНЬТЕ взором журнальную прозу первой половины 1961 года — и вы обнаружите любопытную закономерность: в своей большей части она принадлежит перу дебютантов или молодых прозаиков, вошедших в литературу на протяжении последних 2—3 лет.

Повести «Ударение на первом слоге» Г. Горышина, «Лесные сторожа» Б. Сергуненкова, «Завтрашние заботы» В. Конецкого, рассказы Л. Озорнова, Георгия Семенова — в «Знамени».

Повести «Мы здесь живем» В. Войновича и «Стрежень» В. Липатова, рассказы Юрия Куранова и Чингиза Айтматова — в «Новом мире».

Повесть «Все только начинается» Элигия Ставского, новые рассказы Анатолия Кузнецова, новый роман Василия Аксенова — в «Юности».

А если чуть расширить сферу наблюдений, раздвинуть ее во времени и пространстве? Какое обилие новых имен, более или менее громко заявивших о себе в последнее время в литературе! Произведения молодых появились и в «Дружбе народов», и в «Молодой гвардии», и в «Звезде», и в «Сибирских огнях», и в других наших журналах.

Почти все названные выше молодые прозаики дебютировали год-два назад. Это самая молодая поросль нашей литературы. Ее авторы, как правило, люди, которым уже за двадцать, но пока еще не исполнилось тридцати. Их творчество, их мировоззрение формируются новой атмосферой жизни, установившейся после XX съезда партии, и с большей или меньшей мерой успеха выражают ее.

Большинство молодых прозаиков, дебютировавших за последнее время (и в этом проявляется рост требовательности наших журналов и издательств), при разности литературных влияний и признаках ученичества обладают четкой творческой индивидуальностью, художественной культурой.

И все-таки, при всей резкости индивидуальных различий, в творчестве молодых есть немало такого, что объединяет, делает их представителями единого поколения советской прозы, по мысли критика А. Макарова («Знамя», № 1, 1961 г.), четвертого поколения ее.

Проза молодых при всех ее несовершенствах дает возможность говорить о характерных особенностях ее подхода к явлениям жизни, к изображению действительности.

СЛУЧАЛОСЬ ли вам заметить, к примеру, что почти вся проза молодых написана от первого лица? Или как бы от первого лица? Почему «как бы»? Да потому, что даже в тех случаях, когда повествование в произведении ведется от третьего лица,

автор присутствует здесь настолько активно, что можно говорить о нем, как о «лирическом герое» прозы.

«Я ехал на своем самосвале...», — рассказывает во вступительной главке В. Войнович, автор повести «Мы здесь живем». Но ведь эта-то повесть написана от третьего лица? Да. И тем не менее автор ее, представившись во вступительной главке повести действующим героем повествования, официально свидетельствует: «...Я здесь часто бывал. Знал Гошку, знал и других. Вот об этих людях я и написал свою повесть».

Открытое, подчеркнутое присутствие автора в повествовании — отнюдь не формальный момент. С этим связано и в этом проявляется ярко выраженное лирическое начало в молодой нашей прозе последних лет. Оно делает ее по-особому теплой.

Вот повесть «Лесные сторожа» ленинградского прозаика Б. Сергуненкова. Она состоит из серии лирических новелл, раскрывающих мироощущение городского человека, недавнего моряка, оказавшегося хозяином далекого лесного кордона.

Одинокий человек, вдвоем с неразговорчивым лесником затерявшийся в лесу... Какой казалось бы, невыразительный сюжет! Но сколько подлинной поэзии сумел высечь автор из этого на первый взгляд неблагодарного, трудного материала. С акварельной чистотой и тонкостью раскрывается здесь зарождение и развитие таинственнейшего и поэтичнейшего из человеческих чувств — чувства любви к природе. В повести рассказывается, как обостряет и высветляет эта великая любовь к земле человеческую душу, как в общении с поседевшим от времени зеленым другом человек учится глядеть на мир, словно видит его впервые.

«И в городе я на все теперь смотрел иначе. Каждый раз, попадая в Ленинград на Невский, я с удивлением вглядывался в незнакомые лица людей. Я замечал их губы, глаза, волосы, ресницы, удивлялся внезапной улыбке, рассматривал их руки. Вот обычные люди. По каким дорогам они пойдут? Что они делают, что будут делать?..

Может, этому меня научил не лес? Может, ко мне пришла зрелость? Двадцать два года — это не так уж мало. Пора понять, что такое жизнь, что такое люди. Родина и что такое ты сам».

Эти слова можно вынести эпиграфом к нашей молодой прозе.

ЧТО такое жизнь, что такое люди, обычные, простые люди, Родина и ты сам? Напряженный, вдумчивый поиск ответов на эти коренные вопросы жизни — главное в молодой прозе. И этот поиск осуществляется чаще всего в ключе лирического раздумья — доверительного и искреннего.

Столь бурный взрыв лирического начала в прозе молодых, равно как и во всей нашей литературе, наблюдающийся в последние годы (вспомним «Каплю росы», «Дневные звезды», «Ледовую книгу»), закономерен.

Его истоки — в пристальном внимании к человеку, в небывалых ранее возможностях выявления человеческой личности, которые столь характерны для нашего общества сегодня и которые многократно вырастут завтра и послезавтра.

И эта раскованность личного начала, активность выявления человеческих характеров очень благодатны для литературы. Благодатны потому, что направленная субъективность, лиризм, то есть предельная обнаженность самых тонких, глубинных человеческих чувств, позволяют прикоснуться к самому сокровенному в душе человеческой, не обидев, не огрубив его. Мудрое горьковское определение литературы — человековедение — как нельзя более подходит к современной молодой прозе, ибо

(Окончание на 2—3-й стр.)

ПАМЯТНИК НАРОДНОМУ ПОЭТУ

На привокзальной площади Баку, где за последние годы разросся большой парк, установлен памятник народному поэту Азербайджана Самеду Вургуну.

На высоком постаменте из гранита — пятиметровая бронзовая фигура народного поэта. Самед Вургун читает стихи. Взор его устремлен вдаль, рука — на груди.

Весь я твой. Навсегда в сыновья
тебе дан.
Азербайджан, Азербайджан!

В этих словах, высеченных на постаменте, — вся душа поэта.

Автор памятника — народный художник республики Ф. Абдурахманов. Пьедестал сделан по проекту академика М. Усейнова.

АЯМ, СИБИРСКИЙ ТРАКТ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Сейчас лето, и все выглядит не так страшно. Но зимой жизнь шофера превращается в подвиг. На шестидесятиградусном морозе они прогревают двигатель, делают ту же самую работу, что и летом. Нервное напряжение жесточайшее: попробуй, переохлади двигатель — потом не заведешь.

Вот и выходит, что без перегрузки работать нельзя, вот отчего и иронизирует Никандр Витальевич Очкасов. Он человек пожилой, за рулем не один десяток лет, и знает, что говорит.

Культура должна прийти, и она придет на Якутский тракт. И поделятся Никандр Витальевич и его товарищи «своими» машинами с молодыми шоферами, и терпеливо повозятся с ними, пока те не освоят дорогу. И будут они вовремя возвращаться домой, регулярно смотреть фильмы и думать не об одной работе.

ЭТО ПРИХОДИТ. Это неизбежно. Потому что новое наступает и требует своего.

Но к нему надо подготовиться. И это серьезная забота руководителей Аямтранса. Сейчас они издали приказ (настоял профсоюз) — не допускать переработок, а сами (они говорили мне об этом откровенно) соображали, как бы этот приказ обойти.

Им при старых порядках жилось легче: перекладывай все на шофера — он выдюжит. Теперь надо думать о реконструкции технической базы, о строительстве гаражей, о рационализации, о быстрейшем внедрении метода «кратких плечей».

Этот метод имеет отношение не только к Амуро-Якутской магистрали. О нем говорят как о будущем автомобильного транспорта. Выгоды, которые он несет с собой, неоценимы.

Сущность его проста. Шофер, так же как машинист на железной дороге, ведет свой автомобиль до определенного пункта. Там он сдает груз следующему шоферу, который везет его дальше. Груз находится в специальном вагончике, монтирующем на полуприцепе. Вагончик пломбируется. Груз в нем не промокает, не высыпается и не замерзает. Вагончик легко отцепляется и переносится на другой автомобиль. Эстафета идет от пункта к пункту до конечной точки и обратно. Освободившийся шофер забирает вагончик, который прибыл в этот пункт с обратным потоком, и везет его туда, откуда приехал. Там он сдает его сменщику, и тот повторяет его рейс.

Оба работают по семь часов, как заводские рабочие. Остальное время они свободны.

Даже неспециалисту видно, какой это даст эффект, если даже не приводить цифры повышения производительности и снижения себестоимости.

В кабинете начальника Аяма Евгения Константиновича Бельского висит длинный плакат диаграмма. Вся трасса на нем аккуратно расчерчена на участки («плечи»). Подсчитаны расстояния, количество автомобилей, экономический выигрыш и т. д.

Диаграмма успела выцвести — она висит давно.

Идея «коротких плечей» пришла на тракт года четыре назад. Вслед за ней прибыли сюда сотрудники Академии наук. Они составляли справки, что-то подсчитывали, записывали, а потом уехали в Москву и, по слухам, защитили там диссертации. А идея «коротких плечей» все еще остается идеей.

В АЯМЕ есть энергичные люди, и они стараются что-то сделать. Нигде в стране вы не увидите, чтобы «МАЗ» вез по горным дорогам цистерну весом в тринадцать тонн. Здесь это есть. Здесь «МАЗы» и «ЗИЛы» берут в два раза больше горючего, чем им положено. Таких цистерн никто аямовцам не присылал. Они сделали их сами. Сами сделали, сами поставили на сконструированные самими же полуприцепы и сами провели испытания. Авторемонтные мастерские, которые имеет Аям в Невере, построены при царе Горохе. Давно пора строить ремонтный завод. Но Якутский совнархоз не решается на это. Если завод будет в Невере, то это территория Амурской области, если в Алдане — то слишком далеко от железной дороги...

А пока аямовцы мудрят в своих мастерских. Это обходится им недешево, да и мудрить-то приходится на расстоянии. Управление Аямтранса квартирует в Алдане. Руководство и инженерный состав оторваны и от поставщиков грузов, и от ремонтной базы. Вот и экспериментирует в своем кабинете главный инженер Аяма Иван Андреевич Обыденкин.

Мне было приятно познакомиться с Обыденкиным. Тридцать лет, проведенные Иваном Андреевичем на транспорте, не превратили его в узкого хозяйственника, в «извозчика», привыкшего только «давать план». Он не забыл, что он инженер, и сегодня его кабинет напоминает лабораторию. Может, это громко сказано, но, право же, когда я увидел его стол, заваленный научными журналами, какими-то брошюрами, схемами и чертежами, я не поверил, что нахожусь в автоконтроле. Здесь же на полу стоит микроскоп, разбросаны части, детали машин.

Я читал большую переписку Ивана Андреевича с институтами и главками, удивлялся обилию идей, предложенных им. Его предложения дошли до чешских друзей, и они внесли исправление в конструкцию своей «Татры».

Немало сделал Иван Андреевич и для Аяма. Все новшества, которые здесь вводятся, связаны с его именем. Но он мог бы сделать больше, изобретай он не один. Ему недостает людей, которые всегда были бы вокруг него, недостает решительности. Он оторван от ремонтной базы и шоферов.

Может, поэтому в его исканиях есть элемент прожектерства, хотя идеи, которые он предлагает, полезны и реальны. Ивана Андреевича надо поддерживать, но его не поддерживают. И в совнархозе, и в Алданском райкоме партии признают, что Обыденкин — «свежая голова», но... советуют ему перевестись в институт.

Правильно ли это? Разве не на производстве, не там, где «выполняется план», нужны сегодня «свежие головы»? Разве не обратный процесс происходит сегодня в науке, когда ученые идут из институтов в цехи и на стройки?

Сейчас Аям с помощью соседних заводов пытается строить железные вагончики своей конструкции. «Короткие плечи» должны ожить и завоевать тракт. Они уже выходят на тракты страны. В Подмосковье по их методу шоферы уже водят составы. Культура садится за руль автомобиля и заставляет инженеров и экономистов пересматривать былые взгляды.

Скорее пересматривайте их, товарищи из Министерства автомобильного транспорта и Госплана! Опыт Аяма перед вами.

ВОТ СКОЛЬКО строчек вызвала у меня ироническая фраза Никандра Витальевича: «Культурная пошла жизнь!».

Я пишу и думаю: имеет ли все это отношение к 55-й параллели? Не взял ли я в сторону, не превысил ли полномочий?

Снова думаю и убеждаю себя, что нет. Это жизнь. Она проходит здесь, рядом с параллелью и вдали от нее. Но она едина — наша большая и сложная жизнь.

Люди этого тракта — люди одного коллектива, одной цели, одного движения. Имя этому движению — семилетка.

Семилетка проходит через 55-ю параллель. Она возводит стены Чульманской ТЭЦ и протягивает через тайгу высоковольтные провода. Она расставляет на полигонах Алдана мощные драги и вгрызается ковшом экскаватора в слюдяные пласты Эмельджака.

Она ведет по тракту аямовские тяжеловозы с горючим и фруктами, одеждой и книгами. Семилетка присылает сюда людей — новые свежие головы и молодые руки — и меняет жизнь тех, кто пришел сюда много лет назад.

Я ХОТЕЛ написать о шоферах Якутского тракта, но увлекся экономическими проблемами. Мне не хочется в конце скороговоркой перечислять имена. Я просто вспомню один случай.

На безымянном километре остановились три машины. Два «МАЗа» и наш «КРАЗ». «МАЗы» везли бензин. У одного из них что-то полетело в моторе. Это был «МАЗ» Андрея Шнайдера. Он шел впереди.

Иван Таусенев и Павел Линкевич полезли в мотор шнайдеровского «МАЗа». Когда рассмотрели, что произошло, оказалось, что можно выйти из положения с помощью полена и куска проволоки. Таусенев побежал вырубать полено, Линкевич разыскал где-то проволоку. Они стягивали ею полено (его надо было закрепить в моторе) по очереди. Кряхтели и ехидничали над Шнайдером. А он — над ними. Посторонний человек, слушая их, подумал бы, что они злы друг на друга, как черти.

Потом, когда Шнайдер уже мог управлять один, они не уехали. Еще и еще заставляли его проверять двигатель, и снова затягивали проволоку, и снова что-то там мастерили.

Потом, не отрываясь один от другого, тронулись дальше. Шнайдер по-прежнему шел впереди. Он высовывался из кабины и грозил кулаком идущему вслед Линкевичу: тот незаметно подложил ему на сиденье камень...

Я ничего не добавлю, если скажу, что все трое — ударники коммунистического труда.

Я вспоминаю этот и иной случай, иные факты и лица. И вижу, как разматывается передо мной белая лента дороги. В ушах свистит отбрасываемый лбом кабины ветерок и, прерывая его, звучат короткие, как перестук телеграфного ключа, сигналы — гудки.

На тракте принято приветствовать встречного...

Сегодня в Москве, в Центральном парке культуры и отдыха имени М. Горького, открывается выставка «Мир глазами молодых советских художников», приуроченная к Форуму молодежи. Мы публикуем несколько работ с этой выставки.

И. СИМОНОВ. «Расклейщик афиш».

РАЗГОВОР С ЖИЗНЬЮ

В ПРЕДДВЕРИИ XXII съезда КПСС состоялся большой творческий разговор. Пять дней в Улан-Удэ на выездном секретариате правления Союза писателей РСФСР длился горячий спор о национальных традициях и современности.

Это был разговор писательский? Не только. Значит, говорили читатели? И это не так. Может быть, речь шла о героях книг или разговор с героями будущих книг? Нет, это был разговор с самой жизнью, задушевная беседа с героями наших дней о литературе наших дней.

Открывая заседание, Леонид Соболев выразил надежду, что обсуждение вопроса о традициях и современности в бурятской литературе должно перерасти и вопрос одинаково важный и интересный для всех братских литератур. Участие в работе секретариата крупных советских писателей Советского Союза, местных партийных работников, трудящихся Бурятии сделало этот разговор значительным и важным.

Основной вопрос — как лучше распорядиться всем богатством накопленного в области литературы для того, чтобы ярче, полнее, художественно убедительнее раскрыть в новых произведениях литературы все богатство и величие духовного облика нашего советского человека, нашего современника.

Главными темами обсуждения на секретариате стали вопросы: национальные традиции и современность. Взаимосвязь и взаимовлияния литератур. Народное творчество и фольклор. О переводах. О лирике. О критике. О произведениях написанных и ненаписанных.

«Советские писатели, — говорил в докладе Н. Балдано, — всегда жили и живут теми же мыслями, думами и делами, что и весь народ... Национальная самобытность литературы важна не как самоцель, но как одно из средств исторически конкретного выражения передового идейного содержания... Именно в том и достоинство каждой из национальных литератур, что она, как никакая другая, отражает лицо, характер своего народа... Наше отношение к национальным традициям должно всегда учитывать появление новых традиций в народе. Современность находит свое выражение самыми разнообразными методами, и было бы неправильно отказать ей в использовании лучших достижений национальных традиций. С другой стороны, все, что стало тормозом в дальнейшем развитии литературы, должно смело отмететься, давая путь новому, свежему, революционному».

Что такое национальное в литературе? С размышлениями на эту тему выступил Л. Кассиль. «Тихий Дон» это национальное произведение? Несомненно. Оно и по традиции национально — это русский роман. Но уже внешне измененный: в него введены большие публицистические куски, документы, газетные справки, реляции, штабные сводки, — сама традиция освещения казацкого быта переосмыслена.

Эпопея в национальном раскрывает народное и общечеловеческое. Книга идет победно по всему земному шару, показывая правду нашей революции.

Теркин целиком русский тип, но это уже не традиционно русский тип, в нем много своего, нового, это русский солдат периода Великой Отечественной войны.

Люди рождают песню,
Песня рождает людей.

Хорошо сказал о существе национальных традиций и задачах писателей, о том, какие традиции следует сохранять, а от каких отказываться, первый секретарь Бурятского обкома КПСС В. Р. Филиппов.

В своем заключительном слове Леонид Соболев, подытоживая обсуждение, отметил, что литературную традицию надо понимать как нечто производное от народной традиции. Ведь литература не выражает собственной жизни, она выражает собой то, что существует в народе. И если говорить о литературных традициях, то они сказываются в выражении народного духа, народного характера, народных верований в лучшее будущее, народной силы, в выражение народной мысли, народного творчества.

Валентин Катаев подчеркнул в своем выступлении важность борьбы за мастерство, Николай Рыленков говорил о лирике, Гавриил Кунгуров, Давид Кугультинов, Алим Кешоков остановились на проблеме взаимодействия литературы и фольклора. Семен Липкин, Юлия Шестакова анализировали переводы, Иван Куприянов, Василий Найдаков затронули вопросы драматургии и новаторства. Своими творческими раздумьями поделились Виктор Полторацкий, Сергей Васильев, Кайсын Кулиев, Сергей Орлов, Лазарь Кокышев, Ю. Кюнзегеш, Олег Коряков, Михаил Кильчичаков, Андрей Пришвин, Акоп Салахян, Николай Мординов, Африкан Бальбуров, Цырен Бадмаев; Николай Доризо полемизировал с заметками Николая Дамдинова о границах поэзии, опубликованными в «Литературной газете», Сергей Сартаков оспаривал оценку Романенко последнего произведения Николая Мординова. О многом говорили участники заседания, и все они единодушно высказывали свое мнение о том, что за последние годы бурятская литература сделала значительный рывок вперед, на ее опыте можно многому поучиться, но и надо ей помогать, чтобы добиться дальнейшего ее улучшения.

Хочется заключить наш краткий отчет словами секретаря правления Союза писателей РСФСР Гумера Баширова:

— Союзом писателей РСФСР найдены очень хорошие формы для сближения, для обмена опытом между литературами братских народов. Русская литература сделала в этом отношении очень много. Теперь необходимо найти пути дальнейшего углубления этой связи.

Б. КУШЕЛЕВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

Гости узбекских писателей

ОСЕНЬЮ 1958 года, в дни Ташкентской конференции писателей стран Азии и Африки, на улицах и площадях города можно было встретить худощавого старика с седой бородой и темными молодыми глазами, в которых искрилась добрая улыбка. Это был известный пенджабский писатель и общественный деятель, член Всемирного Совета Мира — Гурбадж Сингх. На днях ташкентцы снова увидели его на улицах своего города, на этот раз вместе с сыном, тоже известным писателем, одним из редакторов издаваемого отцом и сыном популярного журнала «Ожерелье любви» — Навтеджем Сингхом.

Они приехали сюда в качестве гостей узбекских поэтов Гафура Гуляма и Хамида Гуляма.

Гурбадж Сингх рассказывает:

— Впервые я был в Советском Союзе в 1952 году вместе с Сайфутдином Кичлю. Теперь я приехал на Ташкентскую конференцию. У нас завязалась дружба с советскими писателями, и я пригласил их в Пенджаб. У меня гостили А. Софронов, Мирзо Турсун-заде, Зульфия, И. Абашидзе...

— Нам хотелось ближе познакомиться с Советским Союзом, простыми советскими людьми, — говорит он. — И вот мы с радостью приняли приглашение вашего замечательного поэта Гафура Гуляма...

В разговор вступает сын — Навтедж Сингх.

— Мы побывали у нескольких советских людей — один из них врач, другой шофер. Больше всего нас поразила любовь этих людей к книге.

Гости рассказали нам и о своей стране, о том, как развивается индийская и в частности пенджабская литература, какие трудности стоят перед пенджабскими учеными и литераторами.

— Дело в том, — говорит Навтедж Сингх, — что во времена английского господства пенджабский язык был в загоне. И теперь, когда Индия идет по собственному пути, этот вопрос приобрел для нас огромное значение. В этом отношении неоценимую услугу оказывают нам ваши советские ученые-индологи. Они помогают нам в разработке грамматики современного пенджабского языка. У вас уже создан словарь пенджабско-русского языка... Отсюда тот огромный, исключительный интерес, который проявляет наш народ к вашей стране. Мы обязательно напишем о Советском Союзе, о ваших замечательных людях.

Личные контакты узбекских писателей с зарубежными литераторами становятся хорошей традицией. Недавно у поэтессы Зульфии несколько дней гостила известная индийская поэтесса Амрита Притам.

ТАШКЕНТ

Новые стихи

Сергей ОРЛОВ

Невская Дубровка

Мы с товарищем бродим по Невской Дубровке,
Два довольно-таки пожилые хрыча,
Будто мы разломили на круг поллитровку,
Мы с товарищем плачем и солдатские песни поем.
Вот он, берег Невы сорок первого года.
Двадцать лет поднималась и жухла трава,
Шли дожди и снега, лишь одна оставалась пехота,
Та, что в берег вцепилась, от дивизии рота
В сорок первом году ни жива ни мертва.
Вспоминает полковник лейтенантское звание,
Вспоминает о Женьке, санитарке глазастой,
Как она полоскала рубашку свою
И рвала, как ромашку, для раненых,
И смеется, как будто бы вспомнил о счастье.
А в траве земляника пылает на брустверах,
И солдаты лежат между ржавыми минами,
И, наверное, Женька, красавица русая,
Пулеметом порубана, где-то рядышком, милая,
Вспоминает полковник, а земля исковеркана,
Двадцать лет ничего на земле не разгладили,
Да и мы, как земля, наша память, наверное,
Будет тоже, как эта земля, вечно в ссадинах.
На шоссе ждет машина нас, зря надрывается.
От воронки к воронке, над траншеями медленно
В бой на Невской Дубровке от земли отрываются
Пять солдат с лейтенантом из роты последние.
Ничего нет вокруг, но веленнем памяти
Мины рвут тишину, лейтенант чертыхается,
И солдаты встают... Воздвигается памятью памятник
Там, где нету его, где стоять ему там полагается.
А вокруг мирный луг, а вокруг жизнь нормальная.
По Неве к Валааму плывет теплоход, полон песнями.
Но сердца, словно компасов стрелки над аномалией,
Бьют о ребра и вовсю, будто тесно им, тесно им,
А водителю Вите лет двадцать не более, —
Столько, сколько нам в армии было когда-то,
Он включил себе радио, не идет с нами в поле.
Наши слезы и песни, как нам Куликово — не боле.
Хлещет радио джазами над погостом в костях и металле.
Мы с товарищем с нашею славою, с болями
Эпопеей для Витьки, историей стали.
Только мы не история, мы в нее не годимся —
В нас ликуют и плачут в беспамятстве годы.
И живут там солдаты и хрипят: не сдадимся.
Делят хлеб и патроны у бездонного брода.
Делят хлеб и патроны, разгружают понтоны.
Нам бы надо обидеться на курносого Витю,
Но у жизни есть горя и счастья законы:
Наше — нам, юность—юным, и мы не в обиде.
И зачем ему, Витьке, за нас нашей памятью мучиться?
Ах, зачем, все равно у него не получится.
Свищут птицы, горит земляника на брустверах.
Полон Витька к истории благодарности и уважения.
Он глядит на шоссе и на девочек в брючках, без устали
Мчащих велосипеды вдоль древнего поля сражения.

Человек № 21001

Во время войны было опубликовано сообщение о трагической судьбе многих тысяч офицеров и солдат Советской Армии, попавших в фашистский плен, замученных, закопанных живыми в «Гросс-лазарете» Славуты Хмельницкой области.

Более года находился в этом лагере смерти учитель из Костромы Владимир Кондрашов. Он перенес пытки и издевательства, каторжный труд, муки голода и холода. Он принимал участие в антифашистской борьбе, которую вели советские люди и за колючей проволокой «Гросс-лазарета».

В 1958 году Кондрашов выезжал в город Славуту для изучения материалов прошлого, встречался с бывшими узниками фашизма.

В Костромском издательстве вышла в свет документальная повесть Вл. Кондрашова «Человек № 21001», рассказывающая о том, что ее автор видел и пережил в Славутском лагере смерти.

Художественное оформление книги выполнено О. Малягиным — преподавателем Костромского художественного училища. О. Малягин также томился в фашистском концентрационном лагере.

ЧЕТВЕРТОЕ ПОКОЛЕНИЕ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

в центре, фокусе ее внимания — человек. И не человек вообще, а советский молодой человек шестидесятых годов.

Этот человек родился тогда, когда социализм становился уже реальным фактом. Он формировался идейно, духовно, нравственно в климате новых общественных отношений, органически впитывая тепло, воздух, свет новой социальной атмосферы.

Исследовать и воссоздать этого человека художественно — такую задачу и пытается решать наша молодая проза. Пока что это еще только разведка. У создателей ее маловато жизненных наблюдений, душевного опыта, объективного знания своего молодого современника. Но у них есть и свои преимущества: авторы молодой прозы вышли из недр того же поколения, что и ее герои. И они ведут разведку характера молодого человека эпохи, раскрывая прежде всего себя.

Этот образ души молодого современника, который встает на страницах их книг, — пусть он и вылеплен порой еще не очень уверенной рукой, — трогает своей чистотой и человечностью, богатством, сочностью и ясностью чувств. Если вглядеться в то, как живет, думает, чувствует герой нашей молодой прозы, нетрудно увидеть в его характере черты, естественно и органически выработанные социализмом.

Для меня одним из ярчайших характеров, воплотивших человека буржуазного мира, всегда был Форсайт. В «Саге о Форсайтах» Дж. Голсуорси есть глава, которая так и называется «Симптомы форсайтизма».

— Каковы они, эти симптомы? Как распознаются Форсайты? — задает вопрос один из героев романа.

«— По их чувству собственности. Форсайт смотрит на вещи с практической — я бы даже сказал здравой — точки зрения, а практическая точка зрения покоится на чувстве собственности. Форсайт, как вы сами, вероятно, заметили, никому и ничему не отдает себя целиком», — отвечает другой.

Вглядимся в галерею образов современной молодой прозы: врачи Александр Зеленин, Владислав Карпов и Алексей Максимов из «Коллег» В. Аксенова, молодой лесник из «Лесных сторожей» Б. Сергуненкова, молодой рабочий-токарь Саша Кочин из повести «Все только начинается» Э. Ставского — всех этих молодых людей роднит полная внутренняя свобода от позорного, рабского чувства собственности и способность целиком, до полного самозабвения отдавать себя делу, людям. Эти качества, противоположные «симптомам форсайтизма», для них органичны и естественны как воздух, они — нечто само собою разумеющееся, равно как само собою разумеется и то, что люди, отягченные чувством собственности, люди «трезвые» и «практические», «никому и ничему (кроме наживы) не отдающие себя целиком», — всегда их враги.

Не из соображений долга, а в силу внутренней потребности стремятся они к чистоте помыслов, благородству отношений, к добру, к борьбе с корыстью и злом. В основе некоторых произведений молодой прозы лежит открытый конфликт героя с миром обывательщины, собственничества и корысти. Такова повесть «Все только начинается» Э. Ставского, где молодой и наивный рабочий паренек, полюбивший девушку из «хорошей семьи», сталкивается с современным «форсайтизмом» в его наиболее «интеллигентной» и потому особенно отвратительной форме. Таковы «Коллеги» В. Аксенова, герои которых ощущают себя в наступлении на старый мир.

И не случайно столь характерен для новейшей молодой прозы мотив преемственности поколений, ощущение неразрывности связей с революционным прошлым и коммунистическим будущим. Ее герои осознают себя участниками революционного преобразования мира, начавшегося в октябре 1917 года. «Вот они, рабочие, грузчики, лесорубы, шоферы, милиционеры, идущие в атаку на старый мир!.. Мы идем, мы все в атаке, в лобовой атаке вот уже сорок лет. Мы держимся рассыпанной по всему миру цепью. Мы атакуем не только то, что вне нас, но и то, что у нас внутри поднимается временами. Уныние, неверие, цинизм — это тоже оттуда, из того мира. Это еще живет в нас, и временами может показаться, что только это и живет в нас. Нет. Потому мы и новые люди, что боремся с этим, и побеждаем, и находим свое место в рассыпанной цепи».

Рабочие, грузчики, лесорубы, шахтеры, милиционеры, врачи, идущие в атаку на старый мир, — они и являются героями молодой прозы.

Впрочем, это не совсем точно. Если вглядеться в разноликие характеры молодой прозы, за видимым их разнообразием нетрудно разглядеть в конечном счете один главенствующий тип времени. Это — вступающий в большую жизнь сверстник писателей. Он кончил школу или институт, он — на пороге жизни действительной, он ищет пути. В столкновении с жизнью формируется его характер, раскрывается, мужает его миросозерцание.

Эта коллизия отражает реальную коллизию жизни, те разнообразнейшие возможности, которые открыла перед молодежью перестройка нашего образования.

Герой молодой прозы, как правило, — человек духовно ищущий, много размышляющий о жизни в поисках ответов на волнующие вопросы бытия. И это также естественно: чем дальше мы будем двигаться в коммунизм, тем глубже и сложнее будут нравственные, духовные искания людей. В напряженном внимании к сложным вопросам нравственного бытия человека — сила молодой прозы. Задача воспитания нового человека, вставшая сегодня перед литературой с такой остротой, требует, чтобы новая нравственность, мораль становилась такой же естественной плотью, повседневной нормой поведения людей, какими стали для советского человека наши политические принципы. Молодая проза решает проблемы нравственной жизни людей не с позиций абстрактного гуманизма, а в духе ленинских принципов неотрывности нравственности, морали от политики партии, от задач коммунистического строительства.

Однако важно предостеречь нашу молодую прозу от угрозы чрезмерной узости в выборе героев. Молодая проза не дала еще зрелых, крупных характеров-типов, стоящих в центре народной жизни, таких характеров, которые ведут за собой людей. Эта узость объясняется: она определяется прежде всего характером биографий, ограниченностью жизненного опыта молодых авторов. И она преодолима, — важно только ее осознать.

МОЛОДАЯ проза очень внимательна к своим литературным предшественникам. Она старается впитать в себя все лучшее в литературе предшествующих поколений и резко отталкивается от дурных ее образцов. В характере молодой прозы нетрудно заметить черты литературной реакции на ходульность, риторику, громкую фразу тех далеких от реальной действительности произведений литературы и искусства, которые создавались под влиянием культа личности. Молодая проза воюет с иллюстративностью и описательностью, бежит любой недостоверности. Целомудренное отношение к слову, отвращение к фальши, к риторике, к фразе, щепетильное стремление к тому, чтобы читатель поверил, пронизывает почти всю эту прозу, делает ее по-особому трепетной, нервной, трогающей струны сердца. Конечно, было бы неправильным объяснять эти особенности молодой прозы чисто литературными причинами. Истоки стремления к чистоте и достоверности, неприязнь к фразе, столь характерные для молодой прозы, — в общей нравственной атмосфере времени. С какой нетерпимостью обрушилась партия во время январского Пленума ЦК на ложь и обман, допущенные в своей деятельности некоторыми горе-руководителями! И что особенно важно: партия привлекала их к ответственности не только за материальный, но за **моральный** урон. Ибо любая ложь и фальшь как в жизни, так и в литературе наносит вред коммунистическому воспитанию людей. Вот почему заслуживает самого доброго слова подчеркнутое отвращение к фальши, столь характерное для нашей молодой литературы.

У некоторых молодых прозаиков стремление к достоверности проявляется порой даже в несколько наивной форме: в желании чуть ли не документировать свои произведения, внушить читателю мысль о своем личном участии в происходящем, о том, что они — очевидцы, свидетели, а чаще всего и активные участники происходящих в рассказе или повести событий. (Вспомним В. Войновича: «...Я здесь часто бывал. Знал Гошку, знал и других. Вот об этих людях я и написал свою повесть».) Отсюда во многом — и стремление вести рассказ от первого лица, отождествляя автора и героя. Отсюда — правило, характерное для молодой прозы: писать только о том, что пережито и изведано личным опытом.

С ленинградцем Б. Сергуненковым я познакомился до того, как прочитал его повесть «Лесные сторожа». В подпоясанном широким ремнем бушлате, обветренный, загорелый, он уезжал на Волгу, чтобы уйти в плавание матросом на очередной сезон. Он только что расстался с лесничеством, где целых два года проработал лесником. До этого он сменил немало профессий: был плотником, матросом, гонял гурты скота по бесконечным дорогам Сибири...

И если вглядеться в жизненные судьбы молодых прозаиков, все они или почти все входят в литературу схожим путем. Большинство из них относится к той категории людей, которые ходят по земле пешком.

Много тропинок и дорог внимательным путником исходил прозаик и поэт Юрий Куранов, который живет в далеком костромском селе Пыщуг. «Пыщугане» — называется один из самых поэтичных его рассказов-миниатюр.

Биографию врача, который работал в Ленинградском торговом порту и в Вознесенской больнице на Онежском озере, разделил между своими героями автор «Коллег» В. Аксенов.

Трудовая биография морского штурмана, избороздившего немало морей, лежит печатью на творчестве Виктора Конецкого, на его рассказах, на его последней повести.

Сам прошедший суровую, жесткую школу жизни, написавший свою первую повесть «Мои современники» после долгих месяцев работы на дне Братского котлована, Анатолий Приставкин рассказывает:

«Встречаю в Братске молодого парня в рабочем комбинезоне, в защитных очках:

— Бригадир электросварщиков Геннадий Михасенко.

— Автор «Кандаурских мальчишек?»

— Да».

Окончив энергетический институт в Новосибирске, Г. Михасенко, написавший ясную, как родниковая вода, повесть «Кандаурские мальчишки» о деревенском детстве времен войны, приехал работать на строительство Братской ГЭС.

Общий подъем народной жизни порождает и литературу, неразрывно связанную с жизнью народа, вырастающую из самых ее глубин.

В ТОМ, как приходят в литературу писатели четвертого поколения, можно увидеть много общего с первым, послереволюционным писательским поколением: вспомним начало творческого пути А. Фадеева, Д. Фурманова, Н. Островского, М. Шолохова.

«Разгром», «Чапаев», «Тихий Дон», «Как закалялась сталь»...

Я намеренно сопоставил писателей первого и последнего литературных поколений, забыв на время об уровне талантов, о разности их творческих индивидуальностей, о том, что названные выше произведения — уже классика, отобранная временем, а произведения молодых сегодняшнего дня — пока еще не устоявшийся, живой литературный поток. Сопоставил не столько для того, чтобы выявить общее между ними. Немаловажно для судеб молодой литературы обнажить то, что отличает ее от нашей классики.

В чем сила лучших образцов прозы социалистического реализма, нередко также принадлежавших людям от двадцати до тридцати? В незаурядном таланте ее авторов? Не только.

Сила ее прежде всего в той глубокой социальности и воинствующей идейности, которая позволяла литературе шагать по магистралям народной жизни, вскрывать острейшие социальные конфликты, затрагивающие интересы миллионов людей, создавать характеры, типизирующие социальную суть времени. Левинсон, Чапаев, Павел Корчагин... Такие характеры определяли жизнь.

Вне этой воинствующей социальности, вне больших общественных целей и задач нет большого искусства, даже если есть большой талант. Эта истина подтверждена всей историей мировой русской и советской литературы. Все лучшее в советской литературе от ее истоков до наших дней окрашено в яркий социальный цвет. Возьмите ли вы «Танкер «Дербент» Ю. Крымова, «Поднятую целину» М. Шолохова, «В окопах Сталинграда» В. Некрасова или «За далью—даль» А. Твардовского, обратитесь ли к «Дневным звездам» О. Берггольц, «Живым и мертвым»

К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

МИР УПОВАНИЙ И СТРАСТЕЙ

Сергей НАРОВЧАТОВ

НЕДАВНО я перечитывал любимые строки. Звенящей болью отдались они в сердце, и я с горестным удивлением подумал: неужели этот поэт погиб 120 лет назад? Он наш современник! Он где-то рядом со мной, со всеми нами! Он совсем еще молодой поэт, всего двадцать семь лет ему, ярко блещут карие глаза из-под огромного лба мыслителя. Он одновременно сарказм и шутка, трагедия и драма. «...Поэт с Ивана Великого!» — писал о нем Белинский. Он стал великим поэтом не только своего, но и нашего времени.

Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?

Блестящий гвардейский офицер, а затем опальный фронтовик писал эти стихи под чеченскими пулями. Позже другой кавказский офицер, Лев Николаевич Толстой, ставший потом гордостью русской и всей мировой литературы, испытал на себе пронизывающее воздействие этих строк. В этом лермонтовском слове «зачем?» поставлен вопрос, который не разрешил XIX век.

Мы для себя этот вопрос уже решили, но для многих людей за рубежом смутно-загадочной формулой остается он, чтобы тревожить их беспокойные сны.

Поэзия Лермонтова всегда была ясна и недвусмысленна. Войну с Наполеоном он, как и все русские, считал национальной, оборонительной и справедливой войной. Не случайно спустя почти 130 лет после Бородинского сражения и 105 лет после написания лермонтовских строк все войска, оборонявшие Москву в 1941 году, облетели крылатые слова поэта:

— Ребята! Не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой.

Гений Лермонтова удивительно многогранен. «Белеет парус одинокий» написан 18-летним юношей. Казалось, человека в его возрасте еще самого надо воспитывать, а на примере его стихотворения воспитывалось не одно поколение мыслящей русской молодежи. Это подлинный гимн романтике, и недаром читают его герои В. Катаева в революционные годы, недаром, переложенные на импровизированные мотивы, пелись эти стихи молодежью моего поколения, уходившей на Великую Отечественную войну.

А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

В молодости меня, как и многих других, привлекал прежде всего этот трагический романтизм поэта. Кто из нас не увлекался Печориным и втайне не пытался ему подражать? Кто из девушек не восторгался княжной Мери и горько не жалел ее?

Может быть, никто не оказал такого влияния из поэтов прошлого века на мое поколение, как Лермонтов. Многое стало созвучно. Строки «Бородина» стали однозначными с горько-горделивыми словами людей, защищавших Москву. Неразделенная и отвергнутая любовь — одна из главенствующих тем творчества моего учителя в поэзии — ранила лучших поэтов из моих сверстников, и всегда они обращались к автору строк «И скучно, и грустно!— и некому руку подать...», «Выхожу один я на дорогу».

Я не мыслю своих сверстников — Михаила Луконина, Александра Межирова, Сергея Орлова, Михаила Дудина без стихов Лермонтова.

Ты жив еще, подлец Мартынов,
Вставай к барьеру, я иду.

— писал Михаил Дудин. Эти задорно-мальчишеские строки олицетворяли отношение золотых ребят моего поколения к трагедии великого поэта. Каждый из нас не только мысленно, но и физически рад был бы подставить свою грудь, чтобы защитить его от проклятой смертной пули.

Я читал о казнях, которые во времена монархий предписывались цареубийцам. Дямьена, покусившегося на жизнь Людовика XV — ничтожного королька, — четвертовали. Какую же казнь нужно было бы сделать поэтоубийцам! Им — самая страшная казнь — презрение народа.

Мой дед — уездный библиотекарь города Хвалынска. Звали его Яков Капитонович Рагозин. Он знал, вернее, его знали такие разные люди, как Джон Рид и Ярослав Гашек, Алексей Толстой и Константин Федин. Понятно, почему у них могло завязаться знакомство. Библиотека в то время, трудное и суровое, была одним из средоточий культурной жизни маленького городка, которого каким-то чудом не захлестнули грозные волны гражданской войны и тяжелая рука поволжского голода.

Мне повезло. Маленьким я ощутил не только ласковую руку матери и крепкие руки отца, но и умные старческие ладони деда. Он, мудрый библиотекарь, в мои шесть лет дал мне читать «Дон Кихота» и «Песни западных славян». Он мне дал и попросил выучить наизусть два стихотворения «Ангел» и «Парус». Я уверен, что, зная такие стихи на память с детства, невозможно стать подлецом. Вот для этого и существует искусство.

Позже, в томительные часы раздумчивого горя, которое в той или иной мере выпадает на долю каждого человека, я повторял либо строки «И скучно, и грустно», либо из «Мцыри», либо... бог знает из каких еще стихов, они все мне созвучны! Так, в годы Отечественной войны с неожиданной и громкой силой зазвучало не только «Бородино», но и горькая исповедь умирающего офицера:

Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть...

Вся тоска неутоленной любви к далекой женщине вылилась в этих строках. И пронзительные и пронизывающие строки:

Поедешь скоро ты домой;
Смотри ж... Да что? моей судьбой,
Сказать по правде, очень
Никто не озабочен...

Пускай она поплачет...
Ей ничего не значит!

Маяковский говорил, что своим любимым он никогда не читал свои стихи, но стихи Блока. Я не равняю себя с Маяковским, но я всегда читал своим дорогим стихи Лермонтова. Потому что более грубо и зло, чем автор «Монго» и «Казначейши», и более грустно и нежно, чем автор «Молитвы», трудно сказать о любви.

У меня взрослая дочь. Без всякого моего совета она читает на приемных экзаменах в институт строки:

Окружи счастием душу достойную,
Дай ей сопутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.

Величайшая чистота и беспорочность этих строк спустя 120 лет покоряют и теперь всех людей. Я получил эту преемственность от деда, моя дочь передаст моему внуку. Бессмертие поэта — не отвлеченное понятие, но осязаемый факт.

Лермонтов зачаровывает с первой строки и не отпускает до последней. Трудно назвать русского писателя, не ощутившего на себе его влияния. Да не только писателя, а чуть ли не любого читающего человека в нашей стране.

Но чисто по-поэтически! Кого и в наше время не удивят такие строки:

Я без ума от тройственных созвучий
И влажных рифм — как например на Ю.

Еще недавно человеку за такие строки, разумеется, не зная адресата, могли бы вклеить ярлык формализма. Вдумаемся в эти чудесные слова. Боже мой! Да это целая и цельная программа развития русского стиха! «Тройственные созвучия», великолепная аллитеровка, где слова то владычествуют, то подчиняются друг другу в одной языковой семье, где перекликаются «р», «л», «м» и «н», где идут бесподобные по слуховому впечатлению строки. Громким эхом откликнулись эти «тройственные созвучия» в стихах Маяковского и Блока, и многих других русских поэтов, включая и наше поколение.

Непередаваемое впечатление несут образы Лермонтова. Я выражаюсь точно: именно «непередаваемое», ибо языком прозы почти невозможно говорить об истинной поэзии. Антон Павлович Чехов говорил по поводу «Тамани», что он не знает языка лучше, чем у Лермонтова, что он разбирал бы ее, как разбирают в школах, — по предложениям, по частям предложения. Как же разбирать стихи великого поэта? Их надо разбирать уже не по словам, а по слогу, хотя самое главное в них — это целостность.

Лермонтов — и это один из немногих примеров в истории мировой литературы — почти не отделяет себя от своих героев. Конечно, каждому он дарил лишь одну черту своей огромной личности, но каждого он наделял своей неповторимой лермонтовской особенностью. Печорин меньше и гораздо яснее своего создателя — недаром все современники угадывали в нем ярко выраженные отдельные черты Лермонтова. «Мцыри», казалось бы, очень далек от внука богатой пензенской помещицы. Но он, как и его создатель, томится в страшном монастыре жизни— и хоть на день пытается вырваться из нее в мир «упований и страстей», который и был колыбелью лучших стихов Лермонтова.

Лермонтов любил жизнь, но искал смерти. Он был первым из первых в конных атаках, но чеченские пули щадили его. Чудовищность мартыновского преступления, когда в человека, своего бывшего товарища он пустил пулю, нельзя понять, не поняв совокупности обстоятельств. Лермонтов не мог прижиться к условиям николаевского режима. С какой ненавистью и презрением писал он о царизме:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный им народ.

Быть может, за хребтом Кавказа
Укроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

Страшные строки! Но не укрылся поэт и «за хребтом Кавказа» от леденящего взгляда Николая и оттопыренных ушей Бенкендорфа.

Гнет страшной николаевской действительности не выдержали и его широкие плечи.

Глубокое внутреннее одиночество, оторванность от умственных центров России и ее лучших умов не могли не ранить поэта задолго перед его концом. А как жадно он рвался к таким людям, с которыми он чувствовал себя соратником по духу. Вспомним лишь о разговоре с Белинским и трогательную дружбу с Одоевским — ссыльным декабристом, намного старше его возрастом.

Много писалось о лермонтовских бравадах, о его отчаянных выходках, но ведь они и вызывались потребностью как-то заполнить этот душевный вакуум, который оставался у него после создания стихов. Этим и воспользовались враги поэта из придворной клики, спровоцировав дуэль, в которой Мартынов оказался хорошо нацеленным оружием.

Обо всем этом стоит вспомнить, чтобы заново осознать величие литературного подвига Лермонтова. Духовно он был поставлен в труднейшие условия. Человек, яростно ненавидевший деспотизм, он родился слишком поздно, чтобы стать рядом с героями Сенатской площади, и слишком рано, чтобы узнать революционных демократов. И все же в 27 лет столько создать! И как все это цельно по мысли и прекрасно по форме!

Огромный вклад внес Михаил Юрьевич Лермонтов в русскую и мировую литературу.

Рано закатилась его звезда. Но, не успев закатиться, она ярким светом вспыхнула в сердцах народов, чтобы уже никогда не гаснуть.

Лермонтов

На склоне горы у овражка,
На желтых колючках травы
Он мертвый лежит. Фуражка
Скатилась с его головы.

Не ждал, да и ждать мог ли,
Так скоро конца своего.
Сухие травинки намокли
Горячей кровью его.

Легко ли из века другого
Кричать мне и кинуться в след.
Ой, как же от сердца такого
Никто не отвел пистолет!

Пустынное место дуэли.
Кругом секунданты одни.
Друг другу в глаза не глядели,
И молча стояли они.

Лишь, громом катясь к перевалам
И падая с неба, гроза
До ночи его целовала,
Вся в ярости, в светлых слезах.

Есть низенький домик. Он крышей
Касался не раз облаков.
Давно этот домик не слышал
Знакомых когда-то шагов.

Сегодня там людное стало,
Но улицы ночью тихи,
И Лермонтов с пьедестала
Читает звездам стихи.

Степан ЩИПАЧЕВ

2.

А. ШМАРИНОВ. «Грузчики». (Пакистан).

ДОСАДНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

«НОЧНОЙ город» — так называется новый балетный спектакль Большого театра. Музыка — известного венгерского композитора Бела Бартока.

Но у Б. Бартока нет произведения с таким названием. В 1919 году им был создан балет «Чудесный мандарин» по одноактной пантомиме М. Лендьела. Балет был поставлен многими театрами Европы. Музыка «Чудесного мандарина» и прозвучала в спектакле «Ночной город». Пантомиму Лендьела режиссер-постановщик Л. Лавровский заменил своим собственным либретто.

Что же дало это обновление? При внимательном изучении партитуры «Чудесного мандарина» становится очевидным, что Б. Барток исходил не только из общей идейной концепции пантомимы, что само собой разумеется, но из конкретных ситуаций, эпизодов, составляющих ее сюжет.

В партитуре балета Б. Бартока мы видим очень много прямо-таки литературных пояснений действия, характеристик поступков, описаний чувств, замечаний явно сценарного плана. Музыка абсолютно точно выражает каждый миг пантомимы, настроение каждого мельчайшего эпизода.

Балет «Чудесный мандарин» — это драма сгущенных чувств и положений, драма ужасов с острым эротико-мистическим содержанием.

...На сцене трое бродяг и девушка, как приманка для грабежа и убийства. Приходит один — старый кавалер — у него нет денег, его выбрасывают; так же поступают со вторым — юношей. «Не будь дурой, достань нам настоящего мужчину» (заметка в партитуре). Девушка становится к окну. Появляется мандарин. Неподвижно стоит в дверях. Всеобщее смятение. «Почему ты стоишь так неподвижно и смотришь на меня?.. Подойди поближе!» — кричит девушка. Далее следует страшная сцена обольщения мандарина. Он охотится за девушкой. Бродяги грабят его. Но убить мандарина они не могут: душат — он жив, прокалывают шпагой — жив. Вешают на крюке от лампы — жив... «Лампа гаснет и падает. Тело мандарина светится зеленовато-голубым светом, глаза мандарина неподвижно устремлены на девушку» (заметка в партитуре). Девушку осеняет спасительная мысль — «снимите мандарина». Мандарин падает на землю и бросается к девушке. «Страсть мандарина утолена, раны его кровоточат, он умирает».

Таково содержание этого балета. Музыка Б. Бартока, отражая все перипетии пантомимы, предельно экспрессивна, жестка. Это — мучительное проникновение в мир подсознательного, сексуального, раскрытие средствами музыки сферы чувств, излюбленной фрейдистами. Сделано это с предельным мастерством, на партитуре — отсветы огромного таланта Б. Бартока.

Но совсем иное увидели зрители на спектакле «Ночной город» в Большом театре.

Приведем краткое изложение пояснений театра к либретто.

Ночной город. У тротуара устало приплясывают бездомные безработные. Из темноты выходят три фигуры. Главный из них — Рыжий. За ним поодаль — девушка... Рыжий подзывает девушку и приказывает ей идти на площадь.

Из-за угла выходит человек — седеющий фат. Направляется к девушке. Из темноты выступает Рыжий. Удар — и господин падает. У витрины магазина модного платья замерла скорченная фигурка девушки. Стоящий в витрине манекен — это убитый господин. Девушка с испугом поднимает голову, но перед ней стоит манекен юноши в рабочем комбинезоне. Он прекрасней и человечней всех людей, которых она встречала до сих пор. На улице появляются трое кутил... Девушка пытается уйти, ее сбивают с ног. Она зовет на помощь. На крик прибегает ночной рабочий и разгоняет гуляк. Он не может оторвать глаз от преображенного счастьем лица девушки. Появляется Рыжий с друзьями. Юноша бесстрашно встает на защиту девушки. Она велит юноше бежать, иначе его убьют. Рыжий бросает в юношу нож. Юноша падает. Сил у него хватает только на последнее прощание с девушкой: прощай, такая короткая, такая прекрасная любовь! Это лучшее, что было в его жизни. И в жизни девушки тоже. Идет по городу девушка с разбитой мечтой, яркой звездочкой мелькнувшей ей в черной пещере улиц. Но это уже не ночная тень города, а его обличитель...

Нетрудно догадаться, что перед нами новый сюжет с совсем иным идейно-образным содержанием. Может быть, кто-либо и написал бы к нему музыку, тогда, возможно, возник бы балет «Ночной город». Но сейчас этот сюжет не имеет ничего общего с широко известной музыкой балета Б. Бартока. Он решительно противоречит ей. Например, для характеристики главных героев балета «Ночной город», пробуждающейся к жизни девушки и юноши-рабочего, в музыке Б. Бартока нет никакого музыкального материала. Финалы балетов «Чудесный мандарин» и «Ночной город» диаметрально противоположны по смыслу (как и основные концепции балетов).

Что может быть общего между агонией, смертью мандарина в пантомиме М. Лендьела и возрождением девушки в либретто Л. Лавровского? Однако же девушка «возрождается» под музыку, написанную Б. Бартоком по партитурной ремарке «страсть мандарина утолена, раны его кровоточат, он умирает». И таких примеров множество.

Невольно возникает вопрос. Не идет ли подобное приспособление произвольного сюжета к музыке, имеющей конкретное и совершенно иное содержание, вразрез с основными требованиями нашего искусства? Не противоречит ли это всем традициям русского балета, всегда отличавшегося органической связью сценического воплощения с идейно-образным содержанием музыки?

Можно принимать или не принимать произведение большого мастера, но нельзя навязывать ему свои идеи, противоречащие его концепции. Что сказали бы вы, если бы кто-нибудь — пусть из самых благих намерений—исправил сюжеты и подрисовал, например, «Каприччос» Гойя или досочинил из тех же соображений новеллы Эдгара По? У искусства есть свои законы, и они мстят тем, кто их не признает.

С. АКСЮК

В ДНИ ЮБИЛЕЯ

Пленум правления Союза писателей Грузии был посвящен столетию со дня рождения Важа Пшавела. На пленуме были заслушаны доклады С. Чиковани, А. Белиашвили, Д. Бенашвили, А Гомиашвили и Б. Жгенти о поэзии, прозе, драматургии великого писателя, о неразрывной связи его творчества с народной поэзией, о влиянии Важа Пшавела на современную грузинскую литературу. С речью на пленуме выступил Н. Тихонов.

Сессии, диспуты, творческие вечера, посвященные столетию, прошли в различных научных и творческих организациях республики.

Большую выставку к юбилею подготовил Литературный музей Грузии.

В Кутаиси писательская общественность выпустила специальную газету «Важа».

Широко отмечают столетие Важа Пшавела издательства республики.

Полное собрание сочинений поэта выпустило «Сабчота Сакартвело». В одном из томов собраны переводы на грузинский язык, осуществленные Важа Пшавела: «Орлеанской девы» Ф. Шиллера, «Демона» М. Лермонтова и другие. В этом же издательстве выходит монография доктора филологических наук Г. Джибладзе и книга литературоведа С. Кубанейшвили о Важа.

Издательство Союза писателей Грузии «Сабчота мцерали» выпускает к юбилею сборник избранных стихов Важа Пшавела «Сто лучших стихотворений», книгу сына великого поэта В. Разинашвили «Важа Пшавела по рассказам современников» и монографию Д. Бенашвили о поэте. Издательство «Заря Востока» подготовило двухтомник Важа Пшавела.

ЦК КП Грузии и Совет Министров республики приняли решение соорудить в Тбилиси памятник Важа Пшавела.

Вчера во Дворце спорта состоялся вечер, посвященный юбилею Важа Пшавела.

ТБИЛИСИ. (Наш корр.)

ПЕРВЫЙ НАНАЙСКИЙ ПОЭТ

В среднем течении Амура, где река делится на бесчисленные протоки, раскинулось вдоль берега одной из речушек нанайское стойбище Кондон. В Кондоне родилась литература нанайцев. Ее певцом был Аким Дмитриевич Самар — один из первых учителей своего народа. В 1938 году вышла в свет его книжечка на родном языке «Песни нанайца», затем перед самой войной — сборник стихов. А. Самар начал писать поэму, затем повесть, он был полон творческих планов. Война прервала их.

Хабаровское книжное издательство выпустило на русском языке книгу стихов Акима Самара. В Кондоне открыт народный музей, центральное место в котором занимают книги, рукописи и письма начинателя нанайской советской литературы. Под большим портретом поэта — его вдохновенные строки:

Выйди в верховья Амура —
Сунгари устье сверкает.
Выйди в низовья Амура —
Устье Амгунь открывает.
...Здесь я родился и вырос,
В этом таежном краю.
Самую лучшую песню,
Край мой, тебе отдаю.

ХАБАРОВСК. (Наш корр.)

К. Симонова, «Знакомьтесь, Балуев» В. Кожевникова или «Войди в каждый дом» Е. Мальцева — эти разнохарактерные произведения объединяет одно: масштабность и глубина социальных, нравственных проблем жизни народа, которые ставятся и разрешаются в них.

Без умения мыслить глубоко, крупно и социально, без характеров, выражающих стремнину жизни народной, без глубокой боли и радости, без осмысления умом и сердцем судеб родной страны нет и не может быть прозы, оставляющей в сознании людском непреходящий след.

Вот почему молодым прозаикам надо активнее осваивать богатейший опыт советской литературы, смелее учиться у ее мастеров. Конечно, это не значит, что молодые должны бездумно, слепо, эпигонски следовать традициям. Нелепо требовать от молодых, чтобы они писали под Н. Островского, М. Шолохова, А. Фадеева или А. Твардовского. Каждое писательское поколение входит в литературу по-своему, со своим внутренним миром, со своим творческим поиском, со своими художественными открытиями, выражающими дух нового времени. Речь идет о другом— о творческом развитии лучших традиций прозы социалистического реализма на современном этапе народной жизни. И если вглядеться в молодую прозу сегодняшнего дня под таким углом зрения, — больше всего в ней тревожит именно робость перед крупными и острыми социальными и нравственными проблемами, неуменье нащупать и осмыслить такие социальные узлы и нравственные конфликты действительности, которые определяют революционное движение общества вперед.

Заранее оговорюсь: современная молодая проза — явление сложное и многоплановое, есть в ней свой фланг писателей, внимание которых привлекают прежде всего именно социальные конфликты жизни. Они и нравственные проблемы времени решают по преимуществу, как проблемы социальные. Это и В. Липатов, и В. Аксенов, и Е. Карпов, и А. Кузнецов. С другой стороны, размышляя о тенденциях развития молодой прозы, нужно, как никогда, помнить о творческих индивидуальностях молодых. Нелепо было бы требовать, чтобы обладающие лирическим складом дарования Ю. Куранов или Б. Сергуненков брались за не свойственные им эпические или публицистические решения тем. Нет. Пусть каждый из молодых наиболее полно и до конца проявляет именно себя, сильные стороны собственного дарования. Но при этом помнит: успех в творчестве определяется не только характером дарования, но и высотой, ясностью и мощью социальных позиций художника, масштабом, глубиной и целенаправленностью его общественных задач.

Современной молодой прозе — даже в наиболее сильных своей общественной проблематикой образцах ее — не хватает прежде всего именно этого: духовной и общественной зрелости. Она очень тонко и точно видит мир, но не всегда умеет достаточно глубоко и остро осмыслить его. Ей не хватает страстности, гражданственности, дерзости и объемности мысли, масштабности социальных характеров.

Геолог Ростислав Слепов; его товарищ, смешной и чудаковатый коллектор Гриша с высшим филологическим образованием; юная «геологиня» Оля— герои «маленькой повести» Глеба Горышина «Ударение на первом слоге».

Они живут во времени, точно обозначенном приметами сегодняшнего дня. С этой точки зрения в повести есть все: и геологическая экспедиция в Саяны, и экзотический тофоларский колхоз «Красный охотник», и даже недавние венгерские события. Есть трогательная история, завязывающая сюжетным узлом повесть: Ростислав Слепов любил венгерку Ружи, погибшую во время венгерских событий,—как оказывается, она сестра их случайного попутчика, венгра-этнографа Вирмоша. Есть и умело намеченные характеры — того же венгра Вирмоша, без денег (денежный перевод не может догнать его) ринувшегося изучать финно-угорские наречия в далекой Тофоларии. Трогательна забота ребят о венгре, путешествующем впроголодь. И важен вывод его о советских людях: «Они очень много заняты делом. Очень мало собой...»

Но какие хоть сколько-нибудь серьезные коллизии социальной жизни выражают эти характеры? Какие социальные, психологические, нравственно-этические открытия содержатся в повести?

В сравнении с большой советской литературой молодая наша проза нередко производит ощущение мелковатости. И это — следствие не возраста («Тихий Дон» и «Разгром» писались двадцатилетними!), но не очень высокой жизненной позиции, не самых крупных для сегодняшнего времени целей и задач. Если учитывать уровень талантов, характер дарований, эта проза пока еще мало на себя берет.

И поэтому немного обидно, если говорить по большому счету, читать статью талантливо и ярко вошедшего в литературу Василия Аксенова о молодой нашей прозе («Литературная газета», 15 июня 1961 г.), — обидно за дух довольства и самоуспокоенности, пробивающийся в статье. «Пройдет время, придет литературная зрелость, и тогда, может, снова появится потребность вернуться к сегодняшнему дню», — эпически повествует писатель.

Пройдет сколько угодно времени, но сама по себе эта «литературная зрелость» вряд ли придет. Ее надо отвоевывать в схватках с бумагой и жизнью. И она, эта литературная зрелость, метится не годами, а гражданским самосознанием, идейным, духовным и жизненным опытом. А пока что литературной зрелости даже наиболее талантливым представителям молодой нашей прозы очень недостает.

Именно поэтому она не дала пока характеров-типов, характеров-явлений, отражавших бы самое значительное в характере молодого человека наших дней. Именно поэтому она одерживает успехи в основном в малых формах— рассказ, лирическая повесть, — где правдиво, искренне и точно передано мироощущение героя и автора — чистое, светлое, ясное, радостное. Но ведь, кроме мироощущения героя и автора (которое здесь сплошь и рядом идентично), есть еще и мироощущение народа, страны. И я не верю, чтобы только лирикой, только исповедью можно было познать сегодняшний, столь широкий и сложный, столь богатый идеями, чувствованиями, свершениями, событиями, человеческий мир.

В СОВРЕМЕННОЙ молодой прозе как бы слышатся отзвуки спора, который ведут герои повести В. Аксенова «Коллеги». Спора, в котором отразилась трудная реакция части нашей молодежи на болезненные явления прошлого, связанные с культом личности.

В ответ на слова Александра Зеленина о чувстве долга перед всеми поколениями русских людей—прошлыми и будущими — Алексей Максимов отвечает:

«— Ух, как мне это надоело! Вся эта трепология, все эти высокие словеса. Их произносит великое множество прекрасных идеалистов, вроде тебя, но и тысячи мерзавцев тоже. Наверное, и Берия пользовался ими, когда обманывал партию. Сейчас, когда нам многое стало известно, они стали мишурой. Давай обойдемся без трепотни. Я люблю свою страну, свой строй и, не задумываясь, отдам за это руку, ногу, жизнь, но я в ответе только перед своей совестью, а не перед какими-то словесными фетишами. Они только мешают видеть реальную жизнь».

Жизнь убедила Алексея Максимова в ограниченности этой позиции, заставила его понять: «Не нужно бояться высоких слов. Прошло то время, когда отдельные сволочи могли спекулировать этими словами. Мы смотрим ясно на вещи. Мы очистим эти слова. Сейчас это главное: бороться за чистоту своих слов, своих глаз и душ».

Исход спора Александра Зеленина и Алексея Максимова типичен для нашего времени. Типичен он и для нашей молодой литературы—об этом говорят тенденции ее развития.

С этим, быть может, не осознанным спором связана столь характерная для молодой литературы инстинктивная неприязнь к пустой фразе, риторике, тяга к сдержанной и надежной простоте. Но не далеким ли отзвуком той же чуть затянувшейся реакции является боязнь у некоторых молодых острых социальных тем? Не с этим ли связаны и некоторые парадоксы молодой прозы, которые ей предстоит еще преодолеть?

Вот некоторые из них. Излюбленным и органичным принципом молодых является активность личного начала, открытый, подчеркнутый лиризм. Мы убедились в этом на примере повестей Б. Сергуненкова, В. Войновича, В. Аксенова. Да, лирический герой повести В. Войновича очень активен, и это проявляется не только в том, что он— действующее лицо повести и даже водит в ней самосвал. С каким теплым юмором ведет он повествование, сколько доброго, светлого, веселого в отношении к людям сквозит в его рассказе о них. Но вглядитесь, какие же маленькие, незначительные ситуации жизни села Поповки отбирает В. Войнович для своего повествования, как облегченно принимает он жизнь. Не принимать же столкновение героя повести Гошки с кладовщиком из-за украденной картошки за центральный конфликт жизни нашей деревни начала шестидесятых годов!

С полемической заостренностью стремился молодой прозаик к правде характеров, ситуаций, правде подробностей и деталей и прошел мимо главной правды времени: суровой борьбы за истину, за честность, за лучшую жизнь. Активность лирического героя обернулась созерцательной пассивностью. Налет пассивности, созерцательности лежит и на героях повести — очень чистых, хороших людях, и на самой повести — яркой по манере письма, но описательной, не вторгающейся активно в жизнь.

Но как можно говорить об описательности этой повести, если вся она спорит с описательностью? Оказывается, можно. И это еще один парадокс современной молодой прозы. Отталкиваясь от описательности, иллюстративности в литературе, она сама то и дело впадает в описательность, правда, особого рода.

Вот, к примеру, два произведения молодых, опубликованные в январском номере «Знамени»: рассказ Л. Озорнова «На малой скорости» и та же повесть Г. Горышина «Ударение на первом слоге». Рассказ «На малой скорости» передает ощущения юноши, пересекающего нашу обширную страну в товарном вагоне с запада на восток. В повести «Ударение на первом слоге» рассказывается о геологах, о том, как они добираются к своему месту назначения. И тут и там — немало точных наблюдений, найденных деталей, зорко подмеченных характеров. И тут и там — приметы современной молодой прозы: теплый лиризм, незримый (у Г. Горышина) или зримый (у Л. Озорнова) лирический герой, очень естественная, лаконичная, чуждая намека на описательность манера письма. Но чем внимательнее вчитываешься в эти произведения, тем явственнее еще и другое, что их роднит. Рассказ Л. Озорнова— это перечень наблюдений жизни юным героем, который в вагоне товарного поезда едет по стране. Самим сюжетом он обречен на позицию созерцателя, который пассивно фиксирует все увиденное в пути.

Повесть Г. Горышина — тоже описание путешествия по маленькой горной Тофоларии. Путевые впечатления переданы здесь через действующих лиц. И это сочные, яркие впечатления.

Но прочитав рассказ Л. Озорнова и повесть Г. Горышина, трудно удержаться от вопроса: какие значительные проблемы жизни подняты в них? За что воюют авторы этих произведений? Что они любят в жизни, а что ненавидят? Ответ на эти вопросы должен содержаться в ткани художественного произведения. Ни в рассказе Л. Озорнова, ни в повести Г. Горышина достаточно отчетливого ответа на эти вопросы мы не найдем.

ГЛАВНАЯ задача, которая стоит сегодня перед молодыми прозаиками (и перед молодыми поэтами в такой же степени), заключается, на мой взгляд, в выработке своего зрелого гражданского самосознания, собственной гражданской позиции, зрелого общественного мышления.

Но о формировании какого еще особого гражданского самосознания идет речь? — может возникнуть вопрос. — Все советские писатели стоят на позиции марксистско-ленинского мировоззрения.

Это, бесспорно, так. Но и при общности философских позиций каждый крупный художник — резко индивидуальная гражданская личность. Разве тождественно гражданское мироощущение Леонида Леонова и Александра Твардовского, Михаила Шолохова и Александра Прокофьева, Максима Рыльского и Ильи Эренбурга? Перечень этот можно продолжать до бесконечности. Каждый зрелый художник обретает свое гражданское самосознание сложным путем духовных поисков, глубоко личным жизненным опытом.

Пока что развитие таланта, уровень литературного мастерства в молодой прозе опережает духовное, гражданское, умственное развитие ее.

Но, бесспорно, литературная зрелость будет завоевана, и тогда сегодняшняя молодая проза сможет дать многое. Ею накоплены немалые предпосылки к тому: и серьезное отношение к слову, и ответственное отношение к жизни, и органическая потребность в правде, и неприязнь к фальши, к риторике, к пошлости во всех ее проявлениях, и, наконец, стремление познавать действительность личным опытом, собственной жизнью.

Как только, сохранив все благоприобретенное, молодая проза расширит и углубит сферу своих духовных исканий, прикоснется всерьез к крупным характерам, большим социальным коллизиям жизни, научится не только тонко наблюдать, но и смело, глубоко осмыслять жизнь — она, надо думать, вступит в полосу больших литературных открытий, подлинных художественных удач.

Будем верить в это.

СОБЫТИЯ И КОММЕНТАРИИ

ЗА РУБЕЖОМ

ВОЕННАЯ ИСТЕРИЯ НА ЗАПАДЕ

ЗАШЕВЕЛИЛИСЬ самые худшие преступные элементы на капиталистическом Западе. Фанфары оголтелой военщины трубят в Западной Германии, деголлевской Франции, фашистской Португалии, на всех базах Соединенных Штатов Америки, разбросанных по земному шару. У милитаристов — пьяный угар. Каково-то будет похмелье?

История последних лет наглядно показывает, что, как только милитаристские силы овладевают рулем внешней политики, любое западное правительство и весь Запад в целом терпят неизбежное поражение, теряют престиж, оказываются в моральной и дипломатической изоляции. Так было с Англией, Францией и Израилем, когда они предприняли в 1956 году свою сузцкую авантюру. К таким же печальным итогам приходили уже не раз Соединенные Штаты, вторгаясь на Ближний Восток в соответствии с «доктриной Эйзенхауэра», организуя тайное нападение на Лаос или открытую агрессию против революционной Кубы. Так происходит сейчас с Францией, предпринявшей возмутительную кровавую расправу над народом Туниса в Бизерте.

«Невозможно перечислить все возможные последствия событий в Бизерте», — пишет американская газета «Уолл-стрит джорнэл», которую нельзя заподозрить в симпатиях к национально-освободительному движению в Африке. Она все же пытается перечислить эти последствия: ухудшение отношения к Франции — и косвенно к Западу — со стороны всех нейтральных государств; дальнейшее осложнение алжирской проблемы; «прекрасная возможность для русских снова развернуть действенную пропаганду против «империалистов». Беря последнее слово в кавычки, газета тем не менее не спасает вдохновителей «военного метода» разрешения международных споров от совершенно точного, четкого определения этой политики как империалистической и преступной.

Напомним, что «политикам», — как бы ни были они неразумны, — приходилось во всех перечисленных эпизодах очень быстро отступать, «просить пардону», несмотря на удаль и недовольство их собственных генералов. Мировое общественное мнение, всем видимая сила миролюбивых государств — вот что заставляло их пятиться назад, опускать оружие, призывать к порядку военщину. А настроения этой военщины, ее «недовольство» тем, что ей не дали «разгуляться», отлично выразил один из французских парашютистов-головорезов, нагло отвечавший на вопросы журналистов в окровавленной Бизерте:

— Хорошенькое дело! Мы в 60 километрах от Туниса. До Бургибы и до Ферхата Аббаса рукой подать, а нам велят все прекратить! Это то же самое, что на Суэцком канале с Насером. Раздеть девушку позволили, а трогать не велят. Это становится невыносимо.

Любопытно знать, понимают ли сейчас политики Запада, что именно такие подонки, профессиональные убийцы и насильники ликуют, узнавая детали «военного ответа» Запада на миролюбивые, разумные, реалистические и никому не угрожающие предложения Советского Союза по вопросу о германском мирном договоре и Западном Берлине? Ведь не найдется ни одного честного человека в мире, который бы не признал, что шестнадцати лет отсутствия мирного договора с Германией, шестнадцати лет явно ненормального положения в Западном Берлине, превращенном в базу «холодной войны», — предостаточно и что советские предложения не причиняют какого-либо ущерба ни одной державе!

А между тем ответ западных держав на эти мирные предложения с каждым днем вырисовывается как ответ крайне воинственный, угрожающий, как бряцание оружием и попытка обострить всю международную обстановку. Неслыханную суетню организует военщина. Министр обороны ФРГ Штраус летает во все столицы Запада, заключает сделки о поставках современного оружия, в боннском «рейхе» строятся казармы, полигоны, военные базы, «институты» по изготовлению новейшей техники истребления. Министр обороны США Макнамара молниеносно облетает столицы Франции и Англии с миссией мобилизации военных сил и финансовых средств с целью «устрашения» Советского Союза. Гонка вооружений резко подскочила вверх.

Об этом, в частности, и объявил президент США Джон Кеннеди, выступая по телевидению вечером 25 июля: главная его тема — мобилизация. Хотя один из видных и осведомленных обозревателей «Нью-Йорк таймс» Д. Рестон, заранее рекламируя выступление, писал накануне, что «эта речь послужит введением к новой гибкой политике», — ничего нового, ни тем более «гибкого» обнаружить в ней нет никакой возможности.

Президент США снова истолковал советские предложения о подписании мирного договора с Германией как «угрозу», как часть «всемирной угрозы», якобы нависшей над странами капитализма. Он не привел ни одного доказательства намерения СССР «применить силу», но в то же время призвал к дальнейшим вооружениям. «Мы всегда будем готовы вести переговоры, если переговоры помогут», — сказал президент, и это, разумеется, неплохие слова. Но непосредственно за ними следует фраза, не вызванная никакими «советскими намерениями»: «Но мы должны быть также готовы сопротивляться силой, если будет применена сила».

Все это должно «оправдать», но едва ли оправдает в глазах американцев предложенные президентом меры. А меры эти таковы: дополнительные ассигнования в текущем финансовом году на вооруженные силы в сумме 3 247 миллионов долларов; значительное увеличение численности армии, военно-морских и военно-воздушных сил; «удвоение и утроение», как сказал президент, численности призываемых на военную службу в предстоящие месяцы. Названы также увеличение ассигнований на так называемую «гражданскую оборону» и общая сумма военных расходов в текущем году — 47 с половиной миллиардов долларов. В соответствии со всем этим американцам обещаны увеличение налогов, отрыв многих граждан от их семей: «бремя этих требований ляжет на многие американские семьи; учеба или карьера будут прерваны; мужья и сыновья будут отняты у семей, доходы сократятся»...

К чему все это? Требованиями «обороны» подобные меры не могут быть оправданы. Это именно бряцание оружием, попытка подкрепить старую и обанкротившуюся политику угрозами и военными демонстрациями. Но подобное «подкрепление» всегда и неизбежно ведет в противоположную сторону. Та часть американского общества, которая сохранила трезвость и реалистический взгляд на вещи, поймет, что меры, провозглашенные президентом, не сулят ничего хорошего.

Сошлемся на высказывание американского профессора Фреда Нилла, опубликованное за несколько часов до выступления президента. Руководитель кафедры международных отношений в Клермонтском колледже (Калифорния) Ф. Нилл призвал американских руководителей мужественно отбросить устаревшие формулы и честно добиваться урегулирования вопроса о Западном Берлине и Германии. Нилл считает, что США необдуманно ориентируются на Бонн, на Аденауэра, в то время как «западногерманская политика не просто провокационна, — она вызывающе провокационна».

Есть военная шумиха, но нет американских предложений по вопросу, поднятому Советским Союзом. И проф. Нилл справедливо замечает, что если США не хотят принять советские предложения по западноберлинскому вопросу, то они должны выдвинуть какую-то разумную альтернативу.

Стоит подумать и о мировом общественном мнении. Индийская газета «Нейшнл геральд» в статье известного публициста Икбала Сингха осуждает милитаристскую истерию на Западе, проявляющем лишь «совершенно ненужные и тщетные попытки показать дурной нрав и воинственность».

По-видимому, военная шумиха и истерия, так тщательно раздуваемые на Западе, задуманы давно, и вопросы, вставшие перед державами мира в связи с ненормальной обстановкой в центре Европы, искусственно представлены в виде «кризиса». Разжигание «западноберлинского кризиса» понадобилось Соединенным Штатам для оправдания гонки вооружений. Налогоплательщиков снова обманывают. Бизнесмены потирают руки и надеются на крупные барыши от военных заказов. Кое-кто предсказывает экономический «бум». Но народы Англии, Франции, Соединенных Штатов и других стран НАТО уже видят сегодня резкое повышение стоимости жизни, рост налогов, ухудшение своего и без того трудного положения.

Естественного и закономерного развития событий в современном мире военная шумиха на Западе не остановит.

Б. ЛЕОНТЬЕВ

Смерть Сузкити Аоно

Недавно прогрессивная литература Японии понесла тяжелую утрату — скончался председатель Ассоциации писателей Японии Сузкити Аоно, один из пионеров пролетарской японской литературы, большой художник слова, друг нашей страны.

Японская газета «Акахата» поместила статью известного критика Корэхито Курахара, посвященную памяти Аоно. «Многие годы, — пишет К. Нурахара. — вплоть до сегодняшнего дня, вся литературная и общественная деятельность Сузкити Аоно была проникнута идеями борьбы за мир и демократию, боевым гуманизмом, страстным желанием видеть человека свободным как в общественном, так и в личном плане».

Правление Союза писателей СССР, а также Советский комитет по связям с писателями стран Азии и Африки направили японским прогрессивным писателям телеграммы соболезнования по поводу смерти Сузкити Аоно.

ПЕРЕМЕНЫ

Г. САДЫХ-ЗАДЕ. «Туниси из города Габес».

КЛУЖ, — бесспорно, один из красивейших живописных городов Румынии. После Бухареста ему принадлежит второе место в стране и по числу жителей, и по культурному значению. К тому же это и очень древний, с двухтысячелетней историей город. Еще Птолемей упоминает о Напоке — прежнее название Клужа. Прекрасные исторические и художественные памятники повествуют о том, что с далеких времен город притягивал к себе блестящих людей науки и мыслителей, писателей и поэтов...

Обо всем этом обязательно расскажут вам клужане. И еще добавят, что у них свой университет и три института, филиал Академии наук и консерватория... И самое главное. Знаете, сколько в Клуже оперных театров? И, не дожидаясь ответа, сообщат: два оперных театра. Много найдете вы европейских столиц с двумя оперными театрами? Один из них — венгерский, так же как и один из четырех драматических театров.

Я видел «Гамлета» в постановке Национального театра Клужа. Монументальный, со вкусом поставленный спектакль, вдохновенный ансамбль актеров, смелая новизна в оформлении. Однако сейчас мне хочется рассказать не об этой постановке, но о другом. Вернее, не столько о спектакле, сколько о том, что было связано с ним...

Было это так. Местный литератор Ион Лунгу предложил мне: «Хотите совершить поездку в деревню? Это недалеко отсюда. Национальный театр Клужа показывает сегодня выездной спектакль, пьесу нашего драматурга Теофила Бушенана «Родня». Едемте! Вам ведь наверняка интересно посмотреть сельского зрителя. Кстати, и автор будет там».

Близился вечер, когда наша машина въехала на тихие улочки деревни с поэтическим названием Илянда. Только что прошумела гроза. В небе все-где еще дымились освещенные заходящим солнцем облака. Возле клуба, приютившегося в прохладной тени высокого, поросшего лесом холма, маячил автобус Национального театра. А по умытым улицам спешили довольные как приездом театра, так и прошедшим дождем коллективисты.

Зал сельского клуба был в тот весенний вечер переполнен. Многие илянцы пришли семьями, празднично приодетые. К слову сказать, ребятишки «оккупировали» колени почти каждого второго или третьего взрослого, по крайней мере до пятого-шестого ряда.

Могу засвидетельствовать: среди зрителей не было скучающих или равнодушных. Удивительно живо и непосредственно реагировали коллективисты на острые реплики артистов. Каждое разоблачение отрицательных героев, вроде незадачливой Сидонии — жены председателя коллективного хозяйства Оанчи, встречалось аплодисментами. Хлопоты «председательши» о своих родичах, любителях торговать на рынке живностью, вместо того чтобы работать в поле, вызывали нескрываемое осуждение зала. Коллективисты возмущались и тем, что Сидония живет старыми, обывательскими понятиями о семье, браке, что препятствует замужеству дочери Ралуки с Василем, партийным секретарем...

Реакция зала красноречивее любой рецензии свидетельствовала: тема взята из жизни. Зрители охотно прощали то, к чему, возможно, придрался бы многоопытный критик. Скажем, довольно бледно выглядел положительный герой — секретарь партийной организации. Печать искусственности лежала и на самой истории любви Ралуки и Василя... Но пафос пьесы, направленный против мелкособственнической психологии, старой морали, безусловно отвечал мыслям сельских зрителей...

Кончился спектакль. Можно и в обратную дорогу. Но в чем дело? Почему не расходятся зрители?

— Дело в том, — сказал мне Теофил Бушенан, — что сейчас состоится «суд зрителей».

— То есть как это «суд зрителей»? — не сразу понял я.

Драматург рассмеялся. Просто коллективисты вместе с артистами будут обсуждать спектакль... Хотя худощавое энергичное лицо товарища Бушенана выглядело спокойным, чувствовалось: он немного волнуется.

В сущности, уже сам по себе факт выезда лучших театров страны в деревню говорил о многом. Новым и несколько неожиданным для меня было вот это самое обсуждение спектакля крестьянской аудиторией. Как же далеко шагнула румынская деревня! Та самая деревня, что долгие десятилетия пользовалась печальной привилегией быть среди первых в мире по проценту неграмотных. Ведь если мерить историческими масштабами, то совсем не так уж много времени миновало с той поры, когда румынский классик Ион Лука Караджале с горечью говорил: «Напрасно считаюсь я большим писателем, если 80 процентов людей, для которых я пишу, не умеют читать».

Без всякой «раскачки» поднимались один за другим коллективисты. Убежденно говорили свое мнение. Впрочем, что касается содержания пьесы, то оно было единодушным. Да, тема, поставленная товарищем Бушенаном, очень важна. «Нужная пьеса, — подтвердил и председатель местного коллективного хозяйства Ион Поп. — Все увидели, как это худо, когда люди используют свои родственные связи... Пусть дорогие артисты чаще приезжают помогать нам устранять недостатки». О том же говорил и однофамилец председателя — Влад Поп. У нас тоже есть такие женщины, как эта самая Сидония. Может, теперь они постараются исправиться, перевоспитаться...

Еще и еще выступали коллективисты. Пусть их речи и не отличались полнотой оценок художественной стороны спектакля. Но зато они свидетельствовали, что в деревне крепнут иные, чем прежде, представления о том, что нужно человеку для подлинного счастья. За спокойными или взволнованными, сбивчивыми или, наоборот, гладкими фразами, а то и просто горячими репликами, когда не сразу и слово нужное подберешь, явственно проступало: людей привлекают ставящиеся в пьесах социальные и нравственные проблемы. Они задумываются о своем месте в строительстве социализма.

Ну как тут было вновь не сопоставить «век нынешний и век минувший»! Кто знает, может, среди этих ценителей искусства были и те, кому в прошлом, при сборе помещичьего винограда, надевали проволочные сетки на лица: не дай бог, чтобы съели хозяйскую ягоду! Или те, на кого боярские управляющие, как это было с Ионом Дакиным, спускали остервеневших псов, натравливали злобных жандармов...

Право же, очень жаль, что не присутствовал на этом «суде зрителей» Эрих Никель — деловой человек из Западной Германии. Было бы над чем поразмыслить ему, поставь он рядом крестьянина из Илянды и жителя любой деревни с берегов Рейна. Насколько духовно богаче оказался бы румынский коллективист!

...Поздно ночью покидали мы уже уснувшую Илянду. Ехали на этот раз в автобусе вместе с уставшими, но явно довольными артистами. Вот тогда-то и услышал я от одного из артистов историю, связанную с пьесой «Родня».

Событие это произошло в деревне Джилеу. В самый разгар самодеятельного спектакля в зале вскочил один из коллективистов: «Правильная пьеса! — выкрикнул он. — Вот тут сидит наш председатель, так он тоже любит «помогать» своим!» Веселыми аплодисментами зрители подтвердили справедливость реплики. Важно и другое, подчеркнул рассказчик. С неизменным одобрением приветствовали коллективисты рождение новых моральных качеств и нравственных понятий у героев пьесы, своих современников...

Старая румынская поговорка утверждает, что «птицу привлекает зерно, человека — доброе слово». «Доброе слово» Румынской рабочей партии, ее огромная воспитательная работа, сама учительница-жизнь формируют новый характер крестьянина, меняют его взгляды на многие веками складывавшиеся представления.

Нет, далеко не без трудностей развивается социалистическая новь румынской деревни. Но трудности эти ничего общего не имеют с теми, что мерещатся японскому парламентарию Фудзита и иже с ним. Это трудности быстрого материального и духовного подъема деревни, трудности преодоления прошлого в сознании людей.

Новое и старое. Порой бывало и так. Рядом с обнадеживающей перспективой в молодых, только что созданных коллективных хозяйствах таилась кое у кого неуверенность: вдруг неурожай! Не лучше ли в первый год побольше зерна распределить на трудодни? А государству как? — спрашивали у них. И тогда разгорались споры о размерах трудодней, о соотношении общественного и личного.

В Добрудже всего несколько лет назад часть крестьян весьма настороженно встретила планы орошения полей. «Зачем портить землю? — с беспокойством спрашивали они. — Совсем ни к чему рыть тут всякие канавы». А теперь орошение охватывает в этой области тысячи гектаров земли. И представители коллективных хозяйств ездят по стране в поисках оборудования для орошения...

...Наш автобус завершал свое стремительное движение в ночь. В машине спали почти все. Впереди через ветровое стекло неуверенно светлело в далеком небе бледное отражение огней Клужа. И вспомнилась мне еще одна поездка, но только в солнечный, очень яркий день.

Перед очередным селом на нашем пути мой спутник прочел его название — надпись черными большими буквами на желтом прямоугольнике: «Хромые».

— Ого, ничего себе название! — невольно вырвалось у меня.

Водитель машины засмеялся:

— У нас еще немало деревень с подобными названиями. Так сказать, в наследство достались.

«Хромые», «Погорелые»... Тени недоброго прошлого, свидетели печальной деревни, покосившихся лачуг, рваных постолов и сермяг... Это о жителях таких деревень писал в 1907 году Караджале: «В то время как там, наверху, все быстрее вертится веселая карусель, которая не в состоянии ничего разрешить, внизу, в глубинах, стонет под непосильным материальным и моральным гнетом народ — единственная реальность, единственная основа, единственный разум национального румынского государства. Там, внизу, народ, который еще никогда не жил по-человечески. Этот народ взывает: «Мы хотим теперь не только земли!.. Мы хотим земли и человечности!..»

Волею нового, социалистического режима румынский пахарь получил не только землю. Он получил справедливый порядок на этой самой земле своих предков, получил настоящую человеческую жизнь...

А перед нами по обеим сторонам шоссе вставали обновленные села. Сквозь гущу деревьев проглядывали новые дома. Их окна были распахнуты навстречу солнцу и теплому ветру. Новые школы. Больницы и магазины. Клубы. Молодые деревца и цветы вдоль улиц. Вывески на сельских ресторанах, пришедших на смену грязным кырчумам-кабакам прошлого, звали отдохнуть под их сенью, подкрепиться... Тысячи и тысячи парней и девушек из этих сел учились ныне на факультетах в Бухаресте, Клуже, Констанце, а то и в Москве или Ленинграде. Дети вчерашних батраков возвращались в родные места агрономами и врачами...

Нет, не смогут сохраниться старые названия обновленных сел. Их заменят, непременно заменят новые, полные оптимизма и веры в завтрашний день Румынии.

Н. БАБИН,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

БУХАРЕСТ—МОСКВА

Окончание. Начало см. «Литературную газету» № 83 от 13 июля.

ЧТОБЫ ЗРИТЕЛЬ... НЕ ВИДЕЛ

Д. ЗАТОНСКИЙ

СЕМЬ городов древней Эллады вели спор о том, кому из них принадлежит честь и право называться родиной Гомера. Мы не располагаем достаточным количеством источников, чтобы проследить за тем, как развивался этот спор и какими аргументами пользовались спорящие стороны. Нам было бы гораздо легче это сделать, если бы в древней Элладе выходил журнал типа мюнхенского журнала «Акценты», на страницах которого западногерманские модернисты, воюя со своими французскими собратьями, спорят о том, где впервые зародился... «абсурдный театр». Казалось бы, в этом вопросе Париж прочно держит первенство. Именно в Париже 11 мая 1950 года была поставлена «Лысая певица» Ионеско — фарс, от которого «абсурдный театр» ведет свое летосчисление. Париж прославил в 1953 году и второго корифея «антидрамы» — Сэмюэля Беккета. В Париже живут они оба и по сей день, живут и пишут по-французски.

Но разве самое главное в том, где жить и на каком языке писать? Против этого-то «досадного заблуждения» и ополчились в последнее время многие западногерманские ученые-театроведы.

К. Г. Симон в статье «Абсурдное смеется до смерти» утверждает, что французы недостаточно ипохондрики, чтобы верить в бессмысленность. Он напоминает им слова Гейне, говорившего, «что ужасное не является вашей специальностью и что Франция мало пригодное место для привидений».

Симон стремится любой ценой репатрировать неправомочно захваченных французами «истинно немецких» призраков и шутов. Именно ему принадлежат слова: «Новейшие французы» — вовсе не французы...», слова, призванные нанести французским претензиям на первооткрывательство в области «абсурдного театра» окончательный удар: ведь Беккет происходит из «сумрачной Ирландии», а Ионеско — румын!

Не будем вмешиваться в этот «внутренний спор», тем более, что это, пожалуй, один из немногих вопросов, по которому у приверженцев «абсурдного театра» на Западе имеются «разногласия». Во всем остальном они более менее едины, их «творческие платформы» примыкают друг к другу, что вполне естественно, ибо «абсурдный театр» порожден одним и тем же кризисным состоянием современной буржуазной культуры, причины которого одинаковы и во Франции, и в Западной Германии, и в США, и в Англии, и в других капиталистических странах.

Но отдадим должное западногерманским теоретикам и критикам «абсурдного театра» — в их последних выступлениях содержится немало таких высказываний, которые позволяют лучше разобраться в том, что такое «абстрактная драматургия» и какое место занимает она в общем наступлении модернизма на реалистическое искусство.

«Модернистский художник, — восклицает К. Г. Симон на страницах журнала «Акценты», — ...разрушает естественные связи между вещами, чтобы вновь открыть чудесное, чтобы преодолеть плоский рационализм вместе с материализмом, чтобы навсегда освободиться от груза земной реальности».

«Абсурдный театр», — вторит ему драматург Вернер Хильдесхаймер, — отметает изображение реальности. Он не стремится на примере исторического или фиктивного события продемонстрировать нечто типическое. Его не привлекает отстаивание некоего принципа...»

И вот, разрывая основы реального и материального, логического и рационального, «абсурдный театр» движется якобы к новому понятию актуальности драмы: это, «конечно, не повседневная актуальность в духе злободневности, а актуальность извечного и изначального».

НА ПЕРВЫЙ взгляд в этих положениях нет ничего нового. Со времен сюрреализма и дадаизма все авангардистские школы претендовали на способность проникнуть в «высшие», «надматериальные» сферы бытия, выражать «конечные» и «неизменные» истины. Франц Кафка еще в 1909 году (фрагмент «Описание одной борьбы») высказал желание проникнуть за пределы конкретной реальности: «Всегда, дорогой господин, я имел охоту увидеть вещи такими, какими они должны быть до того, как они мне являются». Джеймс Джойс (романы «Улисс» и особенно «Пробуждение Финнегана») искал в современной ему буржуазной жизни ее мифическую, варварскую, тайную подоплеку. Разными способами и Фолкнер, и Роб Грийе, и Сартр стремится к той же цели.

Однако все эти художники — пользуются ли они туманными и многозначными символами, разрушают ли реальные связи действительности или превратно толкуют их — все-таки что-то выражают, отвечают на какие-то вопросы, поставленные перед ними самой жизнью.

«Абсурдная драма» — по крайней мере в ее западногерманском варианте — отказывается от любого ответа на вопросы бытия. «Абсурдный театр», — говорит Хильдесхаймер, — не представляет ничего, что могло бы вмешаться в логическом течении сценического действия». А далее получается очень просто, даже слишком просто: «Непонятность жизни не может быть выражена с помощью попытки дать ответ, ибо это должно было бы означать, будто жизнь поддается интерпретации, то есть, что она — понятна».

Хильдесхаймер строит «образцовые силлогизмы: жизнь кажется мне непонятной. О непонятной жизни следует писать непонятные пьесы. Следовательно, все пьесы должны быть непонятными. И вот шаг от теории «к практике».

Посреди сцены, изображающей луг с пасущимися на заднем марке пасущимися коровами, стоит старый заржавленный паровоз. Машинист и кочегар на нем имитируют колоссальную скорость: они «мчатся» в Буффало, город, олицетворяющий все их надежды, они бежали от какой-то дамы по имени «Фрегат», командовавшей ими на море, и теперь спешат поскорее обрести свободу.

А рядом с паровозом сидит у своего мольберта художник Котшенройтер и, внимательно всматриваясь в идиллический пейзаж, пишет... фрегаты. Удивленному пастуху Аксель, что стоит у него за спиной, он объясняет:

«Корова, корабль, профессора, идуванчик. Все это обман, психический комплекс. Если ты свою корову назовешь кораблем или даже пароходом, думаешь, это ее хоть каплю расстроит?

Аксель: Может, вы и правы. Но мои глаза? Я смотрю и вижу: там — корова, здесь — корабль.

Котшенройтер: В этом-то и ошибка. Ты рассматриваешь вещи слишком через призму интеллекта. Оставайся простым, начиная с самого начала. Сначала был корабль. Из него потом развилась корова, а из коровы — шахматы, затем построили пирамиды, позднее появились журналистика, а вместе с ней — «железная дорога».

Между тем люди на паровозе все «мчатся» вперед, в Буффало. Впрочем, иногда они останавливаются, чтоб набрать навоза для топки или сорвать несколько цветочков. При этом кочегар дважды беседует с художником, но во второй раз они не узнают друг друга, ведь паровоз за это время прошел много километров.

И вот еще одна внезапная остановка на рельсах зовет человек. Это мадам «Фрегат», — она курит сразу три сигары и сверх того усмотрется свистеть в боцманскую дудку.

Мадам «Фрегат» появляется на сцене и учиняет своей беглой команде, которая сразу же превращается в двух смирных пленат, суровый допрос. Он начинается тем, что все трое усаживаются в воображаемую шлюпку. А в паровоз забирается вместе со своей собачкой пастух Аксель. Паровоз неожиданно трогается с места и увозит их в Буффало...

Вот что происходит в одноактном фарсе Гюнтера Грасса «Десять минут до Буффало». Здесь все перевернуто, все — наоборот: ранее естественное превращается в бессмыслицу, а далее в невероятное приобретает черты действительности. Художники, наблюдая нравы, пишут нарушения. Паровоз, несмотря на все усилия машиниста и кочегара, так и не довез их до Буффало, а пастух, и не помышлявший ни о чем подобном, нежданно-негаданно попадает на этот же паровоз в этот несуществующий город.

Что же все это значит? Какой сокровенный смысл вкладывает автор в свои гротескные фигуры и ситуации? Да ничего не значит, и никакого смысла автор сюда не вкладывает! Это, поясняет Хильдесхаймер, просто «...крошечная моментальная фотография, маленькое дьявольское беспокойство — свидетельство нестабильности мира».

И эта бессмыслица (наряду со «Стульями» Ионеско) объявляется лучшим произведением «абсурдной драматургии»!

В фарсах Хильдесхаймера и Грасса торжествует неразумие. Герои, которым надлежит находиться за тысячи километров отсюда, вылезают из ящиков в сырых подвалах или выходят из стенных часов (Г. Грасс, «Наводнение»); за двумя престарелыми промышленными магнатами, поющими идиотские песни на лужайке, приходит молоденькая нянюшка с огромной детской коляской (В. Хильдесхаймер, «Пастораль»). Все это не имеет объяснения и не должно его иметь. Как абстрактные полотна Пита Мондриана, воющая музыка Эльвиса Пресли или заполненные иероглифами стихотворные строки Эзры Паунда, «абсурдная драматургия» призвана порождать лишь общее настроение ужаса, потерянности, отчаяния.

Такое на первый взгляд «бунтарское» изображение действительности на поверку оказывается худшей проповедью смирения и примирения со всеми видами зла, окружающего человека в буржуазном обществе. Вот почему, хотя еще не все западные столицы включились в спор о том, кому принадлежит приоритет в создании «абсурдного театра», но в каждой из этих столиц «абсурдная драматургия» находит своих влиятельных и состоятельных покровителей.

...Слепой народный певец Гомер помогал и помогает людям лучше видеть окружающую их жизнь. Жрецы «абсурдного театра» торгуют слепотой. Подлинным выражением абсурдности создаваемых ими зрелищ могли бы послужить слова: чтобы зритель... не видел.

КИЕВ

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Приносим глубокую благодарность всем организациям, друзьям, знакомым, советским и зарубежным читателям, почтившим память Ольги Дмитриевны Форш и разделившим наше горе.

Семья ФОРШ

Главный редактор В. А. КОСОЛАПОВ.
Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВ, Ф. Ф. КУЗНЕЦОВ, Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Н. Ф. ПОГОДИН, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА
«ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ»
Подписка принимается всеми почтовыми отделениями, конторами связи, а также общественными распространителями печати на предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (Для телеграмм Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, отделы: русской литературы — В 8-99-33, искусств — В 1-11-69, литератур народов СССР — В 8-59-17, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, зарубежной литературы и искусства — К 4-84-28, информации — К 4-08-89, писем — В 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты» Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б—04239